

18+

Crossing the line СТИРАЯ ГРАНИЦЫ

Я не собиралась целовать его, но, как только он посмотрел на меня своими обжигающими голубыми глазами, поняла, что не могу сопротивляться. *Далила*
Я ненавижу себя за то, что жадно целую ее в ответ. *Райан*

СИМОНА ЭЛКЕЛЕС

Симона Элкелес

Стирая границы

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe) 44

Элкелес С.

Стирая границы / С. Элкелес — «Издательство АСТ», 2018

ISBN 978-5-17-115894-1

Чтобы сбежать от ужасного отчима, Райан Хесс отправляется из Техаса в Мексику. Но его планы не влипать в неприятности рушатся в ту минуту, когда он встречает прекрасную Далилу Сандоваль – девушку не его круга. Дочь одного из самых богатых адвокатов, сосредоточенная на планировании светлого будущего, Далила даже не подозревает о существовании Райана, пока он не врывается в ее жизнь, руша все планы. Они не подходят друг другу во всех отношениях, но только вместе чувствуют себя по-настоящему живыми. Эта любовь подобна пламени, которое способно поглотить все окружающее. Но сможет ли она выжить или сожжет их обоих?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe) 44

ISBN 978-5-17-115894-1

© Элкелес С., 2018

© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Первая глава	6
Вторая глава	11
Третья глава	16
Четвертая глава	22
Пятая глава	25
Шестая глава	29
Седьмая глава	33
Восьмая глава	37
Девятая глава	42
Десятая глава	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Симона Элкелес

Стирая границы

Simone Elkeles

Crossing the line

Copyright © Simone Elkeles, 2018

© А. Сибуль, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Посвящается Минди.

Когда Бог раздавал дружбу, я выиграла в лотерею.

Первая глава

Райан

Когда ты умираешь, это конец игры.

Ты не возвращаешься, не возрождаешься и не начинаешь заново.

Я сижу в последнем ряду в церкви и наблюдаю, как люди проходят мимо меня, чтобы выразить свои соболезнования вдове Макса Тригера. Она крепко прижимает к себе двух маленьких дочек. Одна из них со слезами на глазах спрашивает, лежит ли ее папа в деревянной коробке перед ними, а миссис Тригер может лишь медленно кивнуть сквозь всхлипы. Ее сын сидит в напряжении в нескольких футах от них, руки сложены на груди.

Я буду всегда помнить Макса как крепкого, словно камень, пограничника. Несколько мексиканских детей в нашей школе боялись, что он может начать что-то вынюхивать и спрашивать про их родителей и миграционный статус. Но он не искал тех, кто нелегально пересек границу. Он сделал своей миссией уничтожение преступной торговли наркотиками, чтобы следующее поколение не несло это бремя.

Вероятно, Макс Тригер находился в центре какой-то секретной операции, проводимой мексиканскими властями и управлением по борьбе с наркотиками для поимки «Лас Калаверас» – картеля, действующего на границе между Мексикой и США. За это его и застрелили. В лицо. Никто не знает, кто это сделал. Но, даже если бы знали, не сказали бы. Девиз нашего пограничного техасского городка – «За стукачом топор гуляет».

Или что похуже.

Я смотрю на деревянный гроб и гадаю, продолжал бы Макс свою секретную операцию, если бы знал, что умрет и оставит свою жену и детей.

Думаю, да.

– Райан, иди сядь с нами, – зовет меня мама с первого ряда. Она отчаянно машет, а я размышляю, как много алкоголя она выпила, прежде чем появиться здесь.

Я качаю головой в надежде, что она забудет про меня, и пытаюсь смешаться с толпой. Опускаю голову, чтобы не встречаться глазами ни с ней, ни с кем другим, – этому трюку я научился давным-давно, чтобы избежать неприятностей. Иногда это срабатывает.

Иногда нет.

Я понимаю, что это один из тех случаев, когда не сработало, потому что через несколько минут чувствую сильный хлопок по плечу.

– Эй, лузер! Твоя мама хочет, чтобы ты сидел вместе с нами, – выплевывает мой сводный брат-нытик Пи Джей голосом, способным разбить стекло.

Вместо ответа я бросаю на него суровый взгляд, предупреждая, что лучше оставить меня в покое.

– Как хочешь, – невозмутимо отвечает он. – Я все равно не хотел, чтобы ты с нами сидел.

Все здесь знают, что нас не связывает кровь. Я – пасынок-смутьян любимого шерифа Лавленда. Никакие мои действия этого не изменят.

Пи Джей подходит к отцу, стоящему на карауле перед гробом, и что-то ему шепчет. Не нужно быть гением, чтобы понять, что он доносит на меня. А это слишком жалкий поступок для парня, которому скоро семнадцать. Мой отчим, Пол, также известный как шериф Блэкберн, смотрит в мою сторону с явным отвращением на лице, а Пи Джей одаривает меня едва заметной триумфальной улыбкой.

Я их игнорирую, склоняю голову и делаю единственное, ради чего пришел сюда. Молюсь за Макса Тригера.

Несколько месяцев назад Макс нашел меня в парке на скамейке с карманным ножом в руке. Это было поздно вечером, никого вокруг не было, и я смотрел на блестящее лезвие как на спасение. Когда Макс ко мне подошел, он не стал меня допрашивать или требовать, чтобы я отдал ему нож. Он словно знал, что я собирался сделать, и просто плюхнулся рядом со мной на скамейку. Мы долгое время сидели молча, пока он не сказал своим спокойным, ровным голосом:

– А что, если станет лучше, но ты так и не узнаешь, потому что сдался?

– А что, если не станет? – спросил я, глядя на лезвие.

Он пожал плечами.

– Закон средних чисел гласит, что станет, а я – парень, который знает кое-что о законах. Почему бы мне немного не поддержать этот нож, Райан? Будет жаль, если ты случайно порежешься, пока ждешь, когда станет лучше. – Он протянул руку, и я отдал ему свой нож. – Если я когда-нибудь тебе понадобится, звони мне в любое время. Или моему партнеру Лансу Мэттьюзу. Он грубоватый, но хороший парень. – Макс передал мне карточку с телефонными номерами.

Хоть я и знал, что никогда не позвоню, все равно засунул карточку в кошелек, словно это была моя связь со здоровым рассудком.

В тот день Макс Тригер спас мою жизнь. Макс был героем. В отличие от моего отчима.

Я смотрю на мужа мамы в его темно-синей униформе шерифа Лавленда с блестящей золотой звездочкой и именной табличкой, которая гласит: «ПОЛ М. БЛЭКБЕРН, ШЕРИФ». Он любит эту тяжелую синтетическую униформу, но не из-за того, что она означает. Он любит ее за то, как она возносит его эго.

Сейчас Пол приветствует скорбящих у входа. Летние каникулы только начались, и в южном Техасе жарко, как в аду. Интересно, заметят ли они капельки пота на его лице? Может, и нет. Некоторые смотрят на него так, словно он в одиночку защищает целый город от беды. Правда в том, что ему плевать на всех, кроме себя. Он позволяет таким парням, как Макс и Ланс, выполнять грязную работу, пока он прячется в своем большом офисе в полицейском участке Лавленда и присваивает себе лавры за каждое изъятие наркотиков или арест. Можно подумать, он единственный компетентный человек в участке. Он отмахивается от федеральных агентов таможенного патруля, словно они ничтожные выскочки. Хотя некоторые полицейские участки в пограничных городах печально известны тем, что нанимают оборотней в погонах, которым платят картели, чтобы те смотрели в другую сторону.

Я бросаю взгляд на маму, сидящую во втором ряду с Алленом и Пи Джем, двумя отвратительными сыновьями Пола от первого брака. На маме – маленькое черное кружевное платье из какого-то дизайнерского магазина в городе. Ее руки аккуратно сложены на коленях. Я знаю, что она пьяна, но моя мама становится профи, когда нужно это скрыть. Черт, бьюсь об заклад, Пол не догадывается, что она выдула его дневную дозу этим утром.

А может, ему плевать.

В его ничтожном умишке трофейная жена рядом с ним лишь укрепляет его геройский образ. Необходимость разбираться с ее внебрачным сыном не вяжется с этим образом и ужасно бесит его.

Когда поток горюющих иссякает, появляется компания девочек из Лавленд Хай. На них всех одинаковые короткие платица на бретельках, и они кучкуются, словно стадо.

– Я не стану сидеть рядом с Райном, – заявляет их самопровозглашенный лидер Микайла Харрис достаточно громко, чтобы я услышал.

Я делаю неприличный жест в ее сторону.

Она грозно смотрит на меня и бормочет: «Придурок», – прежде чем провести пальцами по огненно-рыжим волосам и увести девушек в противоположную часть зала.

Когда я только переехал в Лавленд из Чикаго год назад, мы с Микайлой приглянулись друг другу на вечеринке. Я предупреждал, что не ищу девушку, потому что тренировался, чтобы повысить свой боксерский разряд. Но она почему-то решила, что я передумаю, если мы начнем встречаться. Когда я не согласился боготворить ее, Микайла сделала так, чтобы все знали о моем пребывании в колонии для несовершеннолетних за нападение и крупную кражу авто. Понятия не имею, откуда она узнала, но это неважно. После этого почти все в школе избегали меня.

Пол оставил свой пост и внезапно оказался передо мной. От него воняет дешевым одеколоном.

– Иди сядь рядом с матерью, – приказывает он сквозь сжатые зубы.

– Зачем? Чтобы мы могли притворяться счастливой сплоченной семьей? Да пошло оно.

– Нет, умник. – Он натянуто улыбается только что вошедшей паре, прежде чем вернуться ко мне. – Чтобы твоей матери не пришлось отвечать на вопросы, почему ее сын решил сидеть с незнакомцами на похоронах. Хоть один раз не заставляй ее придумывать тебе оправдания.

Я бросаю взгляд на маму и чувствую укол вины. Не то чтобы она была заботливой всю мою жизнь, но не нужно давать ей еще одну причину, чтобы надраться.

Обходя отчима, чтобы сесть рядом с мамой, я морщусь, когда он похлопывает меня по спине, словно мы друг друга любим. Это просто шоу. Если бы все тут знали, как он издевался над Максом за его спиной, то хоть мельком увидели бы настоящего шерифа Пола Блэкберна.

Суматоха в переднем ряду заставляет меня вернуться к причине, по которой я здесь. Девочки-двойняшки Макса плачут. Когда миссис Триггер говорит сыну сесть поближе к ней, парень качает головой.

– Я не хочу быть здесь! – выкрикивает он.

Мать протягивает руку, чтобы утешить его, но он уворачивается и убегает. Парень прав. Я тоже не хочу здесь быть.

Когда присутствующие на похоронах и партнер Макса, Ланс, бросаются к убитой горем вдове, чтобы утешить ее, я выскальзываю наружу.

Я достаточно быстро нахожу парня. Ему около одиннадцати или двенадцати. Ужасно в таком возрасте потерять отца. Черт, я потерял отца еще до рождения, и это тоже было ужасно. Точнее сказать, мой папа ушел. Исчез, как только мама сказала ему про беременность. Вроде бы он забрал все накопленные ею деньги и сбежал с какой-то бимбо-стриптизершей¹, которую встретил в забегаловке.

Мой папа был чертовским придурком.

Сын Триггера выглядывает из-за дерева и с любопытством рассматривает меня.

– Я ни за что туда не вернусь.

Я пожимаю плечами и вытаскиваю сигареты из кармана.

– Слушай, парень, мне наплевать, вернешься ты туда или нет. – Я зажигаю сигарету и сажусь на скамейку для пикника возле дерева. – По мне так оставайся здесь и прячься хоть весь день напролет.

– Я не прячусь. – Он выходит из-за дерева, и я вижу его худощавое тельце и красное, опухшее от слез лицо.

Я делаю затяжку, и дым обжигает стенку горла. Это в очередной раз напоминает мне, почему я ненавижу эти чертовы штуки.

– А я думаю, прятался.

Парень осторожно садится на край скамейки.

---

¹ Bimbo – итальянское слово, которое используется для собирательного описания кокеток, вертихвосток, пустышек и т. п.

- Ты же сын шерифа Блэкберна, да?
- Пасынок, – быстро исправляю я.
- Он переводит взгляд на сигарету.
- Это вызывает рак.
- Как и поедание хот-догов. Пробовал?
- Ага.

Я делаю еще одну затяжку и тушу сигарету прямо о скамейку. Я начал курить примерно в его возрасте, когда мама оставила пачку «Ньюпорта» на кухонном столике и ушла на всю ночь. А бросил курить, когда начал заниматься спортом и качаться, но иногда я выкуриваю по одной в тяжелые дни. Сегодня точно нужна пара затяжек.

- Иногда весело делать дерьмо, которое тебе вредит, – говорю я ему.
- Ты правда сидел в тюрьме за кражу автомобиля? – спрашивает он.
- Я ее не крал, парень. Я ее позаимствовал.
- Зачем?
- Хочешь правду?

Он кивает.

– Чтобы разозлить того, с кем встречалась тогда моя мать. – Я машу рукой в сторону похорон. – Почему ты сбежал?

Он оттягивает от шеи воротник накрахмаленной белой рубашки, словно та собирается его задушить.

– Я просто... я не хочу видеть этот гроб. Я не идиот и знаю, что он умер. Я просто не хочу, чтобы мне об этом напоминали. И мне не нравится, что теперь все тарашатся на меня. – Он пинает ножку скамьи, не поднимая головы. – Ты когда-нибудь хотел просто исчезнуть?

– Постоянно. Закон средних чисел гласит, что, когда ты чувствуешь себя хуже некуда, все начнет становиться лучше. Твой папа сказал мне это когда-то. – Я смотрю на парковку, где меня ждет мой старый, побитый «Мустанг». – Побег не решит твои проблемы. – Я бросаю камень и попадаю в дерево поодаль. – Если ты убежишь, то останешься один. И, честно говоря, те девочки, твои сестры... ты им нужен. Ты нужен своей маме.

– Я не хочу быть нужным. – Он находит камень и повторяет за мной, целясь в то же дерево.

– Понимаю, но иногда... – Я думаю о гробе Макса под тexasским флагом. – Иногда нужно собраться с силами. Поверь, я знаю по своему опыту.

Парень поднимает еще один камень, но не успевает прицелиться и отвлекается на что-то у меня за спиной. Я поворачиваюсь и вижу отчима, шагающего к нам с суровым лицом.

Вот черт.

– Чарли, служба начинается, – говорит Пол высоким голосом. Видимо, это должно было звучать властно, но больше похоже на скрежет ногтей по доске. – Иди внутрь.

Парень вздыхает.

– Давай, – говорю я ему. – Собирайся.

Парень передает мне камень, прежде чем вернуться на службу.

Пол сердито смотрит на меня своими холодными глазами-бусинками.

– Что ты сказал сыну Макса?

Я смело смотрю в ответ, потому что знаю, как он это ненавидит. Он бы предпочел, чтобы я пугался и сжимался, но этого не будет.

– Ничего особенного.

Мы в тупике, но он отказывается отступить и оставить меня в покое. Он слишком предсказуем. В любую минуту полетят оскорбления.

Пол жестом указывает на пачку сигарет на столе для пикника.

– Что это, черт возьми, такое?

Я достаю сигарету из пачки и зажигаю.

– Я предложил их парню, но он отказался.

– Это незаконно, Райан.

Я делаю затяжку и выпускаю поток дыма в воздух.

– И?

– Ты такой неудачник, – говорит он, словно я еще этого не знаю. Оскорбление номер один засчитано. Но он не закончил. – Ты должен чувствовать себя счастливым, что я разрешил тебе жить в моем доме, а не отправил к отцу. – Край его губ дергается. – Ах, точно, это же невозможно.

Оскорбление номер два засчитано.

– Я благодарю свою счастливую звезду каждый день за твою щедрость, Пол, – говорю я, делаю еще одну затяжку и медленно выдыхаю дым, дико наслаждаясь его раздражением.

Он грозит мне пальцем.

– Я не хочу, чтобы ты разговаривал с сыном Макса. Слышишь меня?

– Не начинай. Он только что потерял своего старика, и ему нужно было с кем-то поговорить.

– Пусть он говорит с тем, кто уважительно относится к людям. – Он стоит с высоко поднятой головой, словно от этого можно выглядеть умнее. Нельзя. – Кем-то честным и достойным.

Оскорбления номер три, четыре и пять засчитаны.

Черт, его понесло.

Если бы этот тип не был мужем моей матери, я бы, наверное, его вырубил. Он наслаждается, унижая меня, и не ему говорить о чести и достоинстве.

– Как скажешь, чувак, – говорю я. – Ты мне не отец и не семья.

– Благодарю Всевышнего за это. Будь ты частью семьи, сидел бы там со своей бедной матерью в уважаемом костюме и галстуке вместо этого. – Он указывает на мои темные джинсы и черную футболку.

Пол отлично знает, что у меня нет денег на покупку костюма, а он уж точно не захочет подарить его мне.

Хватит оскорблений на один день.

– Я пошел, – говорю я, потушив сигарету о скамейку, и направляюсь прочь.

– Ты мусоришь, – окликает меня Пол.

– Арестуй меня, – отвечаю я, направляясь к машине.

Я слышу слова пастора, проходя мимо окна церкви.

– Сегодня мы прощаемся с нашим дорогим Максом Тригером, человеком, жившим без страха, который был героем для всех нас...

Услышав эти слова, я вспоминаю девиз моей жизни

К черту геройство.

Вторая глава

Далила

Плюс прослушивания любимой *música* на высокой громкости в том, что она заглушает все остальное вокруг тебя. Минус – люди могут прокрасться в твою комнату незаметно, как это делают мои младшие сестры. У них имеется раздражающая привычка думать, что семья должна окружать меня все двадцать четыре часа в сутки.

– Ты это наденешь? – Моя сестра Маргарита перекрикивает хриплый голос Аткиуса Пэттона, солиста моей любимой американской панк-группы «Тени Тьмы». Родители не понимают этой любви к американской музыке и предпочли бы, чтобы я слушала мексиканскую и испанскую, но мы с братом Лукасом, бывало, сбегали из дома и врубали ее на всю в папиной машине.

Я смотрю на свои джинсы и черную майку.

– Что не так с моей одеждой?

Маргарита кружится, ее светло-голубая юбка вертится вокруг нее, словно мельница.

– Папа сказал, чтобы мы должны хорошо выглядеть, потому что дон и донья Круз с сыном Рико придут сегодня вечером. А ты вырядилась так, словно собираешься на охоту с *tío*² Мануэлем.

– А ты одета так, словно собираешься на свое *quinceañera*³, – говорю я ей, подходя к своему комоду и доставая тиару со сверкающими кристалликами, которую я надевала на свое собственное *quinceañera* больше двух лет назад. – Вот, можешь взять это.

Надев тиару на голову, Маргарита подходит к моему зеркалу словно королева.

– Теперь я похожа на принцессу?

– *Si*. Однажды все *hombres*⁴ в Панче станут в очередь, чтобы потанцевать с тобой. – Если папа разрешит. Мексиканские папы не самые кроткие родители, и мой не исключение. Он суперстрогий, когда речь идет о том, с кем его дочери могут танцевать, говорить или встречаться.

Мне ли не знать. Я – старшая дочь Оскара Сандовалья, одного из самых востребованных адвокатов в Мексике. Он знаменит тем, что представляет интересы могущественных бизнесменов и политиков. Его клиенты щедро платят ему, чтобы он вытащил их из передраг. Не нужно говорить, что он отлично справляется со своей работой.

Маргарита стоит перед моим зеркалом, накручивая на палец свои длинные кучерявые волосы, как будто они могут выглядеть плохо.

– Сыну дона Круза уже девятнадцать, знаешь ли.

– Да, знаю. – Наши семьи собираются вместе каждый год. В детстве мы с Рико играли и часто попадали в неприятности. Наши родители шутили, что мы идеально подходим друг другу. Но в последние несколько лет у Рико появились другие интересы, и он отдалился. В прошлом году ему было интереснее переписываться с другими девушками, чем разговаривать со мной, так что я не особенно жду сегодняшнего вечера.

– Он *rapacito*⁵, Далила! Тебе стоит с ним встречаться.

– Я не ищу *rapacito*, – отвечаю я ей.

---

² Дядя (здесь и далее перевод с испанского – прим. ред.)

³ Пятнадцатилетие

⁴ Мужчины

⁵ Горячий парень

– А что, если ты до конца жизни останешься одна? Ой, – смеется она. Это завораживающий звук, который часто раздается в коридорах «Ла Хоя де Сандоваль»⁶ – поместья, где я родилась и которое всегда буду считать своим домом.

Лола, наша домоправительница, врывается в мою комнату. Она работает тут с тех пор, как мне исполнилось пять. Ее веселая улыбка всегда делает мой день ярче, особенно когда она поет во время работы. Клянусь, она сама придумывает песни. Иногда они на испанском, а иногда – на английском. Она знает оба языка, потому что родилась в туристическом городке Пуэрто Валларта. В молодости папа учился в университете в Нью-Йорке и получал стипендию. Он настаивает, чтобы мы общались на английском как можно больше, чтобы в будущем смогли говорить на двух языках и получить хорошую работу. Он даже отправил меня в частную среднюю школу в Техасе.

– ¡Hola, niñas! Su mamá quiere que bajen en cinco minutos. La familia Cruz estará aquí para la cena⁷, – объявляет Лола.

– Уже через пять минут? ¡Dios mío!⁸ – Мне нужно подготовиться. – Маргарита практически вылетает из моей комнаты, а ее кудряшки подпрыгивают с каждым шагом.

– Энергии у нее хватит на пять человек, – говорит Лола и снимает мое грязное постельное белье, морщась при звуках новой песни. – Сделай эту *música* потише, пока твоя мама не начала ругаться. Ты же знаешь, ей не нравится этот безумный ор, замаскированный под музыку.

– Это потому, что она не вслушивается в слова.

Лола вскидывает бровь.

– Слова? Это теперь так называется? Как по мне, больше похоже на чепуху.

– Ты старомодна, – говорю я ей. – Ты все еще считаешь, что мужчины должны за все платить, открывать двери женщинам и...

– Нет ничего плохого в том, чтобы мужчина проявлял уважение к сеньорите, Далила, – отвечает она, совершенно в этом уверенная. – Однажды ты поймешь.

Конечно, приятно, когда парень открывает мне дверь, но я не собираюсь стоять и ждать, пока он это сделает, если легко могу справиться сама.

– Лола, похоже, что я собираюсь на охоту? – спрашиваю я, глядя на свое отражение в зеркале. Мои волосы убраны в длинный хвост, чтобы они не лезли в лицо весь вечер. Я подвела глаза и накрашила ресницы, но на улице так жарко, и я не хочу краситься сильнее, опасаясь, что все потечет и я буду выглядеть как клоун.

Лола склоняет голову на бок, обдумывая мой вопрос.

– Ты – дочь одного из самых важных людей в Мексике, – говорит она, бросая работу и направляясь к моему шкафу в другом конце комнаты. – Джинсы и майка не подходят для встречи гостей.

– Я не хочу выделяться.

– Это не выделяние, Далила. Ты представляешь себя с достоинством. – Она достает короткое желтое платье, которое мама купила мне во время поездки в Италию в прошлом году. – ¿Que tal este⁹?

На нем все еще висит этикетка.

– Это для особых событий, Лола.

– Воссоединение с сыном дона Круза может стать особым событием.

Глубоко вздохнув, я беру у нее платье и срываю бирку.

---

⁶ La Joya de Sandoval – драгоценный камень Сандовалей.

⁷ Привет, девочки! Ваша мама ждет вас внизу через 5 минут. Семья Круз будет как раз к ужину.

⁸ Боже мой!

⁹ Как насчет этого?

– Почему у меня такое чувство, что все в *mi familia*¹⁰ хотят выставить меня какой-то диковинкой?

Лола собирает в кучу мои простыни и направляется прочь из комнаты.

– Они хотят, чтобы ты была счастлива.

– Я могу быть счастлива и без парня в моей жизни, – кричу я ей вслед.

– Конечно, сеньорита. Но любовь смягчает женщину.

Смягчать меня? *¡Que asco!*¹¹ Фу!

Мне не нужно быть мягкой. И мне не нужен парень для счастья. У меня есть *mi familia* и занятия... и «Ла Хоя де Сандоваль». Вся моя жизнь распланирована, и в ней нет времени на серьезные отношения. По крайней мере, пока я не закончу медицинскую школу через девять лет.

Я выглядываю в окно на красочный сад. *Mi mamá* пристально следит, чтобы за ним хорошо ухаживали и местные цветы Мексики не теряли своих ярких красок. Думаю, это напоминает ей об *abuela*¹², которая раньше продавала цветы на рынке в Соноре, чтобы у них на столе была еда. Особенно она гордится *cempasúchil*¹³, яркими оранжевыми бархатцами, которыми мы используем во время традиционных праздников.

Мама не дает нам забыть, что теперь у нас привилегированная жизнь, о которой многие люди в моей стране только мечтают.

Надев выбранное Лолой платье, я спускаюсь по винтовой каменной лестнице с яркими маленькими керамическими вставками в каждой ступеньке. Все детали «Ла Хоя де Сандоваль» были спроектированы моими родителями, чтобы создать оазис для нашей семьи.

Проходя мимо кабинета отца, я слышу, как он что-то горячо обсуждает с доном Крузом.

– Теперь он мой клиент, – слышу я, как папа раздраженно говорит дону Крузу. – Я его не предаю.

– Ты должен дать необходимую нам информацию, Оскар, – отвечает дон Круз, когда я заглядываю в комнату через приоткрытую дверь. – Мы же с тобой старые друзья.

– Это не обсуждается, – сурово заявляет папа и скрещивает руки на груди. – Ты мне как брат, Франциско. Никогда больше не дави на меня.

Суровое выражение его лица быстро смягчается, когда он видит, как я наблюдаю за их разговором из коридора.

– А, ты наконец закончила, *carriño*¹⁴, – окликает меня папа, выходя из кабинета. Он уводит меня во двор, и дон Круз следует за нами.

– О чем вы говорили с доном Крузом? – спрашиваю я.

– *Nada*¹⁵, Далила, – говорит он. – Просто скучные дела.

Мне хочется расспросить его, но во дворе к нам присоединяются все остальные.

– С каждым годом ты становишься все красивее, юная леди, – заявляет донья Круз.

Все три гостя сидят на стульях с подушками в нашем открытом дворике, пока мама подает им какой-то бренди янтарного цвета. У доня Круза его фирменные большие усы, а одет он в серый костюм с красным платком, торчащим из переднего кармана и кричащим о богатстве. Донья Круз выглядит так, словно весь день провела в салоне лишь ради этой маленькой вечеринки. Ее волосы убраны в сложную прическу, а платье, вышитое блестками, сверкает в свете фонарей.

---

¹⁰ Моей семье

¹¹ Какой ужас!

¹² Бабушка

¹³ Бархатцы (*цветы*)

¹⁴ Ласковое обращение вроде «дорогая»

¹⁵ Ни о чем

Их сын Рико явно изменился за последний год. Очевидно, он ходил в спортзал и заботился о своем теле. Вместо повседневной одежды, которую носит большинство знакомых девятнадцатилетних парней, на нем костюм, сшитый на заказ и подогнанный под его стройную фигуру. У него короткие волосы, из-за чего он выглядит уверенно и брутально. Это опасное сочетание.

Рико приветствует меня одобрительным кивком.

– Помнишь, как мы перевернули один из горшков с цветами твоей матери, когда играли в прятки в детстве? – спрашивает он. – Ты так интересовалась теми цветами, но, кажется, твои вкусы изменились. Отец говорил, ты собираешься поступить в медицинский университет в следующем году.

– Да. Я хочу стать кардиохирургом, – говорю я им.

– Ого, – произносит донья Круз, явно впечатленная. – Амбициозно.

Мама натягивает на лицо теплую улыбку.

– Мы гордимся Далилой.

Я знаю, что она думает о моем старшем брате Лукасе. Если бы не его сердечные шумы, он все еще был бы жив. Хотя его нет уже три года, я думаю о нем каждый день и мечтаю, чтобы он был здесь. Я знаю, что мама тоже.

Дон Круз поворачивается к папе.

– Хорошо, что у меня нет дочерей. Я бы не отпустил их в университет и даже из дома без телохранителя.

– Мы с сестрами вполне способны позаботиться о себе, – резко отвечаю я.

– Уверен, что легко заботиться о себе, когда вы живете в Панче, – вставляет Рико с хитрой ухмылкой. – Но Панче – ненастоящий мир.

Я вскидываю бровь.

– Ты говоришь, что моя жизнь – фальшивка, сеньор?

– Я говорю, что есть целый мир, о существовании которого ты не подозреваешь.

Я собираюсь бросить ему вызов, когда мама кладет руку мне на колено, призывая замолчать.

Появляется Лола и объявляет, что ужин готов, и я выдыхаю с облегчением. Надеюсь, тема разговора изменится, как только мы начнем есть. Прежде чем я успеваю пойти за всеми остальными в столовую, Рико встает на моем пути.

– Я не хотел тебя оскорбить, сеньорита.

– Ты меня не оскорбил, – говорю я ему. – Мне просто не нравится, когда меня считают слабым.

Рико протягивает мне руку. Очевидно, он не понял намек, что я не хочу сближения.

– Мой отец говорит мне обращаться с женщинами как с хрупкими цветами.

Я стараюсь подавить смешок, сорвавшийся с губ, но мне это не удается.

– *En serio*¹⁶? Это самое смехотворное заявление, которое я слышала. Я не цветок, и меня не нужно защищать. Я крепкая *chica*¹⁷, которая может надрать задницу, если нужно.

– Правда? – Он оценивающе оглядывает меня. – Думаешь, ты крепкая?

Я киваю.

– *Por supuesto que sí*¹⁸.

Он скрещивает руки на груди.

– Ладно, донья Сандоваль. Может, покажешь мне, как ты сможешь защититься от парня вроде меня?

---

¹⁶ Серьезно?

¹⁷ Девушка

¹⁸ Именно так.

– Здесь?

– Именно.

– Не здесь, – говорю я ему. Я готова подтвердить свои слова, но не собираюсь смущать родителей.

– Я хожу в боксерский зал в Севилье, – говорит Рико. – Что, если я отвезу тебя туда и ты докажешь, что не цветок? Я даже дам тебе пару советов. Тебе нравится бокс?

– Бокс словно религия в моем доме. – Я росла за просмотром боев вместе с папой и Лукасом.

Рико поднимает голову и выпячивает грудь.

– Я полупрофессионал и скоро поднимусь в ранге.

Теперь пришел мой черед оценивающе глянуть на него.

– Ты полупрофессионал? Разве ты не тот парень, что плакал, когда порезался бумагой, делая самолетик?

– Это не считается. Мне было пять.

– Даже если так, ты не сможешь убедить моего папу позволить мне поехать с тобой в боксерский зал. – Мне бы хотелось выбраться, даже пусть и с Рико, парнем, который по глупости своей считает, что женщины – хрупкие цветы. Я покажу ему, что не так слаба, как он думает.

– *No hay problema*¹⁹, – уверенно отвечает Рико. – К концу этого ужина твой папа согласится. Он считает моего отца семьей. Поверь мне.

Во время ужина Рико говорит папе, что хочет взять меня в зал.

Подняв бровь, тот смотрит на меня с любопытством.

– Ты хочешь боксировать, Далила?

– *Si*, – отвечаю я ему. – Хочу показать Рико, что я не хрупкий цветок.

Я крепкая *chica* и могу за себя постоять.

---

¹⁹ Без проблем.

Третья глава

Райан

Боксерский клуб «Одинокая звезда» в Лавленде, Техас, напоминает мне спортзал, в котором я тренировался в Чикаго. В обоих залах занимаются преданные спорту боксеры в надежде когда-нибудь стать профессионалами. Большинство парней, которые ежедневно приходят сюда, как и я, пытаются тренироваться как можно больше.

– Где, черт возьми, ты был, Хесс? – окликает меня из-за стойки поклонник стероидов Ларри, когда я захожу. – Обычно ты приезжаешь сюда с первыми лучами солнца.

– Кое-что случилось, – говорю я ему.

– Понял, бро.

Он бросает мне белое боксерское полотенце, постиранное так много раз, что логотип почти исчез. Я ловлю его одной рукой и направляюсь в маленькую раздевалку в другой стороне спортзала. После разговора с Полом сегодня утром мне точно нужно побыть здесь. Это единственное место, где я чувствую себя дома, где я контролирую свою судьбу. Раньше бокс был моим единственным спасением, теперь он часть моей жизни. Пот и боль не пугают меня. Когда я дерусь, мой разум спокоен, я могу сосредоточиться, не отвлекаясь, и никто и ничто мне не мешает.

Переодевшись, я нахожу свободную боксерскую грушу. Большая часть парней не любит здесь болтать, и это мне подходит. Обычно я не разговариваю, если мне нечего сказать.

– Смотри-ка сюда! Это наш местный хулиган, Райан Хесс, во плоти, – окликает меня мой друг Пабло. Он игнорирует негласное правило «не болтать». Он работает здесь пару дней в неделю и ходит вместе со мной в Лавленд Хай. – Думал, ты будешь на похоронах, – сказал он.

Я бью по груше для разогрева.

– Я там был.

– Чего свалил так рано?

Я прекращаю бить.

– Я не свалил, Пабло. Я был там. Я ушел. Конец истории.

Он ухмыляется, у него сколот передний зуб – знак, что он частенько рискует.

– Знаешь, что тебе надо?

– Уверен, ты скажешь мне вне зависимости от того, хочу я это слышать или нет. – Я бы игнорировал его, но забыл свои наушники в спортивной сумке, так что не могу его заглушить.

– Тебе нужно поработать над навыками общения.

Как скажешь.

– Может, я не хочу общаться.

Я снова бью по груше.

И снова.

Пабло говорит:

– Тебе нужна команда, потому что ты не можешь сражаться с миром в одиночку, Хесс. Ты не остров.

О чем он, черт подери, болтает? Какой еще остров?

– Ты слишком много читаешь о саморазвитии, Пабло. Почему бы нам не пойти на ринг и не побороться?

Он смеется, и этот звук разносится эхом по спортзалу.

– Ты не увидишь меня на ринге вместе с собой, Хесс. Слышал, ты вырубил Роача на прошлой неделе, – говорит он. – И Бенито на позапрошлой.

– Они потеряли сноровку.

Его губы изгибаются в изумлении.

– Они два здешних лучших бойца, *pendejo*²⁰. По крайней мере, были, пока ты не пришел. Ты дерешься так, словно машешь кулаками всю жизнь.

Он не знает, что я был местным слабаком, когда был помоложе. В начальной и средней школе на западных окраинах Чикаго меня много били. Я мало говорил, и одежда моя была с вешалок в «Гудвилл». Я был изгоем, парнем, который не подходил тому обществу. Черт, я все еще не подхожу. И все еще мало говорю. Но я слишком рано узнал, что быть побитым – отстойно.

Однажды в седьмом классе Вилли Рэйберн, как обычно, гнался за мной после школы. Так как этот хулиган был у меня за спиной, я не обращал особого внимания на остальное, пока не врезался в старшеклассника по имени Феликс. Он жил в трейлере рядом с нашим.

Он спросил, почему я боюсь Вилли. Я пожал плечами.

Он спросил, хочу ли я научиться драться. Я кивнул.

После этого я время от времени я встречался с Феликсом на небольшой лужайке за нашим трейлерным парком, и он учил меня боксировать. Он сказал, что его отец был боксером и что, если я научусь бить как профессионал, парни вроде Вилли Рэйберна оставят меня в покое.

Помню, как в первый раз подрался с Рэйберном. Это было славно.

Произошло это в школьной столовой. Я разговаривал с красивой девушкой по имени Бьянка. Подошел Вилли и сказал Бьянке, что я мусор из трейлера, мать которого – пьяная шлюха. Я терпеть не мог, когда люди узнавали, что я живу в старом грязном трейлерном парке на окраине города. Маму частенько навещали случайные парни, но она не была шлюхой. Она надеялась, что один из них останется достаточно долго, чтобы позаботиться о ней. А они лишь оставляли ей фингалы и желание напиться.

Я ненавидел свою жизнь, отца, который ушел, маму и Вилли Рэйберна.

В тот день все, что я сдерживал внутри, вырвалось наружу, словно извержение вулкана. Я больше не собирался себя жалеть и изображать жертву.

Прежде чем он успел ударить меня или толкнуть на землю, я врезал Вилли крепким левым хуком. Вилли упал, и я сразу же нанес на него, без перерыва нанося удары, а по моему лицу текли слезы досады. Мои кулаки летали, пока трое воспитателей, следящих за обедом, не оттащили меня.

Мне было все равно, что я сломал ему нос и меня отстранили от занятий на неделю. Когда я вернулся, другие дети даже не смотрели на меня, опасаясь, что я поступлю с ними как с Вилли. Но это не расстроило меня, а придало сил. Мне нравилось, что другие больше не лезут ко мне, и я ощущал себя сильным.

Хоть и был изгоем.

Внезапно в спортзале становится тихо, когда Тодд Проянски, хозяин спортзала, заходит с четырьмя парнями, похожими на опытных бойцов.

– Кто это с Проянски? – спрашиваю я Пабло.

– Парень посередине – отличный боец, Матео Родригез, – отвечает он тихим голосом. – Говорят, он тренируется в спортзале в Мексике, где Камачо дает советы паре ребят. Я видел, как он дерется. Он хорош.

Стойте. Моему мозгу сложно переварить то, что я только что услышал.

– Погоди-ка. Этот парень знает Камачо? Ты говоришь о Хуане Камачо, легенде бокса?

---

²⁰ Придурок

– Единственном и неповторимом, – пожимает плечами Пабло. – По крайней мере, таковы слухи.

Черт. Хуан Камачо – известный во всем мире мексиканский боксер, который был чемпионом в тяжелом весе в семидесятые. Он побеждал не один раз. Он доминировал годами. А потом исчез без следа. Должно быть, сейчас ему шестьдесят. Он был бойцом старой школы, то есть тренировался как зверь.

Когда я начинал боксировать, я, бывало, смотрел видео с ним и подражал его движениям. Черт, я разыгрывал целые его матчи, копируя быстрые выпады и движения на ринге. Если этот парень Родригез знает его...

– Посмотрим, правда ли это.

– Не надо. – Пабло хватается меня за плечо и тянет назад. – Нельзя просто так подойти к такому парню, как Родригез.

– Может, тебе нельзя, а мне можно. – Я иду через весь зал с единственной целью в голове. Узнать, правдивы ли слухи.

У Матео Родригеза черные волосы, он одет в простую белую майку и шорты, словно готов к бою. Он не выглядит безумно мускулистым или пугающим, но я уже много лет знаю, что нельзя оценивать чьи-то способности, пока не увидишь их на ринге.

Он стоит, скрестив руки на груди, и наблюдает, как дерутся два парня, словно это всего лишь скот. Когда я становлюсь перед ним, он вскидывает бровь.

– Я слышал, ты знаком с Хуаном Камачо, – говорю я, не колеблясь. – Это правда?

Он не сразу отвечает и рассматривает меня с любопытством.

– Кто этот гринго? – спрашивает он Проянски.

– Райан Хесс. Он новый боец из Чикаго, – объясняет Проянски. – Переехал сюда в прошлом году, когда его мать вышла за шерифа Блэкберна.

Его челюсть дергается, когда он поворачивается ко мне.

– Слушай, парень, Камачо не раздает автографы.

– Мне не нужен автограф, – говорю я ему. – Я хочу встретиться с ним и узнать, будет ли он меня тренировать. В каком он клубе?

– Тренировать тебя? – Родригез издает тихий смешок, а потом пристально смотрит на меня. – Камачо ни в каком клубе. И у него уж точно нет времени, чтобы тратить его на молодых *pendejos*, которые ничего не понимают в боксе, но считают, что могут серьезно выступать.

Проблема Родригеза в том, что он допустил ошибку и оценил мои способности, не увидев меня в деле.

– Проведи со мной три раунда, – бросаю я вызов. – Если я выиграю, ты представишь меня Камачо.

– Ты бросаешь мне вызов?

– Да.

Уголок его рта поднимается в изумлении.

– А если выиграю я?

Я смотрю прямо ему в глаза.

– Не выиграешь.

– Ты нахальный сукин сын, а? – Я чувствую, что все взгляды прикованы к нам. Парни вроде Родригеза не откажутся от вызова, потому что на кону их гордость. Некоторые рискнут всем, чтобы спасти свое драгоценное эго, на ринге или вне его. – Вот что я скажу тебе, Хесс. Я облегчу для тебя задание. – Он подмигивает своим друзьям. – Мы будем драться тридцать секунд. Если ты нанесешь хоть один хороший удар, я отведу тебя к Камачо.

Один удар за тридцать секунд?

– В чем подвох?

Он широко раскидывает руки.

– Его нет. Если у тебя не хватит сноровки для одного удара, то ничего не выйдет.

Я протягиваю руку.

– Договорились.

Он ее пожимает. Сделка заключена.

Я возвращаюсь к Пабло.

– Будешь моим секундантом? Ты сказал, что поддержишь меня.

– Я не сказал, что поддержу. – Пабло так отчаянно качает головой, что, кажется, у него будет сотрясение мозга. – Я сказал, что тебе нужно быть более общительным, чтобы у тебя была команда, которая поддержит тебя. Я не команда.

– Ну, ты все, что у меня есть.

Он вытягивает шею и смотрит на Родригеза и его приятелей, которые теперь стоят на ринге и готовят его к бою.

– Думаешь, ты сможешь нанести один удар за тридцать секунд? Не пойми меня неправильно, ты прекрасный боец, Хесс. Но он пробыл на ринге дольше, чем ты. Он может просто танцевать вокруг и выставить тебя полным дураком.

– Я не собираюсь выглядеть как дурак. Я знаю, что могу справиться. Ты со мной?

Пабло разминает плечи, словно это он собирается драться.

– Ладно, я с тобой.

Когда я занимаю свое место в углу в полной готовности, ко мне подходит хозяин спорт-зала.

– Ты неплохой боец, Райан, – говорит он. – Но Матео Родригез – это не шутки. Если ты остановишься хоть на секунду или отвлечешься, он отобьет тебя, как кусок сырого мяса. Эти тридцать секунд покажутся тридцатью минутами.

Я киваю.

– Ты и Родригезу сказал такое обо мне?

Проянски качает головой.

– Нет. Это ты андердог²¹.

Я был андердогом всю свою жизнь, так что его слова меня не расстраивают. Наоборот, они лишь делают меня сильнее и заставляют сосредоточиться на цели. Один хороший удар. Все, что нужно.

– У него сильный удар, но он слаб в обороне, так что остерегайся его мощи, – говорит мне Пабло, когда Проянски присоединяется к зрителям за рингом. – Я видел, как он вырубил парня одним ударом в первом раунде. Не подблизься к нему так близко.

– Если я не подберусь поближе, как же мне нанести хороший удар? – спрашиваю я.

Пабло пожимает плечами.

– Ты прав, чувак.

Когда звенит звонок, сообщая о начале боя, мы с Родригезом двигаемся по кругу на ринге. Он несколько раз попадает в воздух, когда я уворачиваюсь от его ударов. Одна из этих воздушных бомб дает мне шанс ударить по печени, но я лишь задеваю его, и он отходит.

– Думаешь, что сможешь? – дразнит меня Родригез, пока мы движемся по рингу.

– Без проблем. – Я делаю ему знак подойти ближе. – Почему бы тебе не атаковать?

– Я жду, когда ты сделаешь шаг. Мы тут уже десять секунд, а у тебя ни черта не выходит.

– У меня есть время, – уверенно отвечаю я.

– Тик-так. Не забудь держать руки перед собой, – говорит он снисходительно, словно это мой первый бой.

Он и понятия не имеет, что именно на ринге я чувствую себя комфортно. Когда я здесь, все остальное не имеет значения.

---

²¹ Термин, означающий сторону с заведомо наименьшими шансами на победу.

Как правило, я терпеливый боец и анализирую своего оппонента. Это позволяет мне быть непредсказуемым. Иногда я стою поодаль, а иногда предпочитаю сократить расстояние и ударить быстро и сильно. Мне не подходит какая-то одна техника, и мне нравится их менять. Проблема в том, что этот раунд не длится привычные три минуты. У меня всего тридцать секунд. Пришло время делать ход.

Пабло говорит, что у Родригеза сильный удар, а это означает, что он может быть медленным, но безумно мощным. Пусть ему кажется, что он может нанести удар и вырубить меня. А потом я бросаюсь к цели.

Я сокращаю расстояние и вижу жажду крови в глазах Родригеза. Я знаю, что от его удара будет больно, но я к нему готов.

Он думает, что победил.

Он наносит апперкот, и я отшатываюсь назад, чтобы казалось, будто он справился со мной. Но, очевидно, я крепче, чем кажусь, и притворяюсь лучше, чем он бьет.

Парни с раздутым эго слишком рано радуются.

Когда он поворачивается, чтобы похвастаться победой, я быстро перегруппируюсь и наношу хороший хук ему в челюсть как раз в тот момент, когда в спортзале раздается звонок. Теперь черед Родригеза отшатываться назад.

– В следующий раз не забудь держать руки перед собой, – шучу я.

Я протягиваю ему свои перчатки, потому что больше вражды нет. Родригез пытался заставить меня проявить себя. Он установил планку, и я ей соответствовал. Теперь я получу приз.

Он касается моих перчаток – рукопожатие боксера, означающее уважение.

– Ты крепкий, – говорит он. – Большинство парней вырубились бы от такого апперкота.

– Я не большинство.

– Я вижу.

Сняв перчатки, я встречаюсь с Родригезом и его командой возле ринга.

– Ладно, гринго, ты это заслужил, – говорит он. – Хочешь провести лето, тренируясь в Мексике?

– Конечно. Я готов.

– Хорошо, дружище. – Он передает мне листок бумаги с инструкцией, как проехать в бар на другой стороне границы. – Увидимся в этом баре на следующей неделе, и я организую тебе встречу с Камачо.

Вау, это было легко.

– Большое тебе спасибо, дружище. Я очень это ценю.

– Просто держись рядом, и дела пойдут в гору.

После рукопожатия у меня появляется новое чувство цели. Мне лишь нужно рассказать маме и Полу новости о том, что я уезжаю в Мексику на лето. Я знаю, что это не вызовет энтузиазма, особенно потому что Пол пытается сломить меня и доказать маме, что я такой же ничемный, каким он меня выставляет.

Я киваю. До встречи через четыре дня.

– Я буду там.

Макс Триггер сказал мне, что закон средних чисел гласит, что станет лучше. Может быть, парень был прав. Я поднимаю взгляд и молча благодарю его.

На улице Пабло обнимает меня за плечи.

– Нужно отпраздновать твою победу, Хесс.

– Как?

Пабло широко улыбается, словно знает, что мне это не понравится.

– В пятницу вечером мы идем на вечеринку. Даже не пытайся спорить, потому что я не приму ответ «нет». Ты мне должен.

- А если я не отплачу? – спрашиваю я.
- То потеряешь команду из одного человека.

Четвертая глава

Далила

Девчачий вечер пятницы стал уже ритуалом. Иногда мои друзья идут на сальсу в городе или в кино. Иногда мы просто гуляем и балуем себя спа-процедурами.

Мы с моей подругой Суной приехали в *casa*²² Деми час назад с лаком для ногтей и очищающими масками, которые купили онлайн. Родители Деми уехали на ночь в Монтеррей в свою «городскую» резиденцию, так что весь их дом в Панче теперь наш.

Деми и ее короткие волосы с розовыми прядями – просто *linda*²³. Она смешная и всегда счастливая. Мне нравится проводить с ней время, потому что ее энтузиазм заразителен. Однажды вечером нам было скучно, и мы вломились на свадьбу в элитном поселке возле пляжа. В другой раз мы поехали в Мехико и разбили лагерь на две ночи, чтобы быть первыми среди желающих увидеть инаугурацию нашего президента.

Суна – подруга, которая сдерживает наши возмутительные идеи и порывы. Она консервативна и настоящий неврастеник, но мы с Деми считаем, что весело вытаскивать ее из зоны комфорта.

– Расскажи нам правду, Далила. Ты заинтересована в Рико больше, чем в друге? – спрашивает меня Деми.

– Нет, – настаиваю я. – Он везет меня в какой-то боксерский зал. Это даже не свидание.

– И когда назначено это не-свидание?

Я пожимаю плечами:

– Где-то на следующей неделе.

– Думаю, тебе нужен парень, – вставляет Суна. – Ты ни с кем не встречалась после Антонио. А это было два года назад.

Мы с Антонио познакомились в частной школе, в которую я ходила два года. Мы встречались шесть месяцев, пока я не узнала, что он мне изменял с девушкой, с которой познакомился в интернете.

– Мне сейчас не до парня. Я слишком сосредоточена на занятиях.

– Хорошо, что тебе все равно. – Лицо Суны стало задумчивым. – Я так хочу парня.

– Почему?

– Не знаю. – Она пожимает плечами. – Мне нравится, когда меня обнимают, и хочется знать, что кто-то думает обо мне.

Деми смотрит на нее так, словно у нее две головы.

– Это потому, что ты озабоченная, Суна. Я не хочу становиться противной старой замужней каргой.

– Черт, Деми, – говорю я, – в твоих устах брак звучит как тюрьма.

– Так и есть для моих родителей. Но хватит депрессивных мыслей вроде брака. – Деми поднимается на кровати, словно это сцена, и прочищает горло. – Девочки, у меня *anuncio*²⁴ о планах на вечер.

– Объявление? Я думала, мы останемся дома, – говорю я ей, глядя на принесенные лаки для ногтей и закуски.

– Нет. Это только начало. Мы отпразднуем твой день рождения, Далила!

---

²² Дом

²³ Милый, очаровательный

²⁴ Объявление

– Но до моего дня рождения еще неделя, – отвечаю я, хотя разряд энергии пробегает сквозь меня от мысли, что мне наконец исполнится восемнадцать.

Деми хватает своего любимого розового плюшевого медвежонка и подбрасывает в воздух.

– Считай это ранним празднованием дня рождения.

Мы с Суной переглядываемся с любопытством. Деми уж точно может придумать что-то безумное. Если бы мой папа знал, как мы проводим время, то запретил бы нам видеться.

Но то, чего он не знает, ему не повредит.

Суна машет руками в попытке высушить свои только что покрашенные красные ногти.

– И что это за великая идея? Я нервничаю.

Деми вскидывает руки вверх, словно проповедник, готовящийся сказать нечто важное.

– Мы втроем отправляемся сегодня вечером в Техас.

Мое сердце ускоряется.

– Техас? Что ты хочешь делать в Техасе?

Глаза Деми загораются.

– Ты готова?

Я поднимаюсь на кровати вместе с ней.

– Да, готова. ¡Dime²⁵!

– Ладно. – Она кладет руки мне на плечи. – «Тени Тьмы» выступают в Лавленде в Техасе, и я только что добыла нам билеты на их концерт сегодня вечером! – Деми визжит от возбуждения.

У меня перехватывает дыхание.

– Ты врешь.

Их песня «Одна ночь безумия» – последняя песня, которую я слушала со своим братом до его смерти. Лукас говорил, что их солист Аттикус Пэттон написал ее после того, как его бросила девушка. Он совершил все эти *loco*²⁶ поступки, чтобы уничтожить свою жизнь, но стал лишь сильнее.

Спрыгнув с кровати, Деми открывает ящик прикроватной тумбочки и достает три билета.

– Вот они, – говорит она, бросая по одному каждой из нас.

– Ого. – Я уставилась на билет, словно это кусочек золота. – Это лучший подарок в мире! Есть только одна проблема.

Деми хмурится:

– ¿Que²⁷?

Мы с Суной понимающе смотрим друг на друга.

– Если ты не поняла, – говорит Суна, – мы не носим паспорта в сумочках.

Деми отмахивается переживания Суны кивком головы.

– Это не проблема. Мы заедем за ними.

– Я знаю, где родители прячут наши паспорта, но они не позволят мне поехать в США без их разрешения, – говорю я ей.

– И мои тоже. – Суна хмурится все сильнее. – А если мы скажем, что идем на панк-концерт, они никогда нас непустят.

– Так не говорите им, миз²⁸ Нег. – Деми зовет Суну миз Нег, сокращенно от миз Негатив, когда она разрушает наши веселые планы. – Тебе пора научиться пользоваться шансами, которые дает тебе жизнь. Просто иди домой и возьми паспорт так, чтобы никто не узнал.

---

²⁵ Говори

²⁶ Безумный, сумасшедший

²⁷ Какая

²⁸ Миз – «госпожа», нейтральное обращение к женщине в англоязычных странах.

– Это называется не воспользоваться шансом, Деми. А украсть, – заявляет Суна.

– Разве же это кража, если вещь принадлежит тебе? – отвечает Деми. – Что скажешь, Далила?

Внезапно во мне просыпается дух бунтарства. Лукас бы одобрил это, потому что он был беспечным и ненавидел следовать правилам. Давайте сделаем это, *chicas*.

– Я в деле, – говорю я им.

– И я, – говорит Деми. – Суна, как насчет тебя?

Мы с Деми киваем, желая, чтобы она поехала с нами развлекаться.

– Ладно, – наконец говорит Суна, – но, если мои родители узнают, имейте в виду, что меня могут посадить под домашний арест на всю жизнь.

Мы втроем прыгаем на кровати Деми, как в детстве, в преддверии приключений. Даже Суна начинает говорить о том, как нам будет весело.

Пересечение границы сегодня вечером – лишь начало нашего путешествия. Я уже представляю, что этот вечер закончится «Одной ночью безумия», прямо как в песне!

Пятая глава

Райан

Я стою перед залом «Клетки» вместе с Пабло. Он смотрит на постеры, рекламирующие концерт сегодня вечером.

– Ты знаешь, что «Тени смерти» – панк-группа? – спрашивает он сдавленным голосом.

– Альтернативный панк, Пабло, – возражаю я. – И не «Тени смерти», а «Тени тьмы».

– Это же бессмысленно, – морщится Пабло. – Я не хотел тебе говорить, но мексиканцы не играют жуткий альтернативный панк. Мы слушаем хорошую музыку.

– Ты сказал, что мы пойдем, куда я захочу. Я хочу послушать ТТ. – Бесполезно говорить ему, что толпа будет громче, чем любой концерт, на котором он когда-либо был. Скорее всего, он пожалеет, что не взял затычки для ушей.

Когда мы занимаем места в конце очереди, глаза Пабло расширяются при виде пары с кольцами в ушах и губах и цепочкой между ними. Он качает головой в замешательстве.

– Белые люди. По-моему, большинству из них не помешала бы интенсивная терапия.

– Ты хочешь сказать, что мексиканцам не нужна терапия, Пабло?

– Ты знаешь, что произошло бы, приди я домой с цепочками на лице, Райан? Мой старик вышвырнул бы меня из дома, а не послал бы разговаривать с психологом.

Интересно, мой папа был бы строгим или, наоборот, добрым? Возможно, он был бы одним из тех понимающих родителей, которые разрешают своим детям делать то, что хочется? Я стараюсь серьезно об этом не думать.

Перед нами остается где-то пять человек, когда парень в кассе объявляет:

– Простите. Все билеты распроданы.

Коллективный стон эхом раздается в очереди людей за нами, желавшими купить билет.

– Прости, чувак, – говорит Пабло, не раскаиваясь. – Может, пойдем в нормальный клуб и потанцуем под нормальную музыку?

Но я не хочу нормальную музыку. Я хочу услышать «Тени Тьмы». Когда у меня не было друзей, именно солист Аттикус Пэттон делил со мной мою боль.

– Слушай, ты не можешь просто продать нам два билета? – спрашиваю я кассира.

Парень смотрит на меня сквозь длинные патлы, напоминающие швабру, которые закрывают почти все лицо.

– Нет.

Пока толпа счастливицов заходит в «Клетку», я качаю головой, жалея, что нам не повезло. Это отстой.

– Мы всегда можем пойти в кино, – предлагает Пабло, когда Голова-Швабра закрывает кассу и исчезает.

Я почти теряю надежду, когда вижу, как в переулок за «Клеткой» подъезжает фургончик «Кейтеринг Димитри». Я хлопаю Пабло по плечу:

– Следуй за мной.

Пабло идет за мной в переулок. Фургончик паркуется у заднего входа, и моя идея воплощается в жизнь.

– Вы опоздали, – рявкаю я на двух парней в фургоне. – Группа хочет знать, где еда, я еле успокоил их. – Я веду себя нервно, они должны думать, что я вот-вот готов сорваться.

– Это не моя вина, – говорит водитель, выпрыгивая из машины. – Ужасные пробки, а у нас еще две доставки сегодня вечером.

Я раздраженно выдыхаю.

– Нам нужно срочно отнести эту еду. Босс отправил нас с Пабло за вами. – Мы идем за ним к задней двери фургона.

– Тогда помогите нам. Вот, – говорит он и передает подносы с едой. Другой парень достает еще один поднос, и все мы направляемся к черному входу в клуб. Я стучу так, словно владею этим местом, а сам думаю, что, если нам удастся все провернуть, это будет чудом.

Какой-то большой парень с татуировками на обеих руках открывает дверь.

– Кейтеринг, – говорю я ему.

Он осматривает нас, а потом широко открывает дверь, пропуская внутрь. Я вообще не знаю, куда идти, так что импровизирую.

– Не туда, идиоты! – кричит какой-то костлявый белый чудак с прилизанными назад волосами, когда я ставлю поднос на свободное место. – Это для группы!

Я иду за этим чудачком по ярко освещенному коридору к двери со звездой. Он ее открывает, и внезапно я оказываюсь лицом к лицу ни с кем иным, как с Аттикусом Пэттоном. На нем черные джинсы и футболка с названием группы. Его черные как смоль волосы торчат на затылке, а спереди закрывают пол-лица – его фирменный образ во всех видео «Теней». Здесь и остальные ребята, сидят на диванчиках, совершенно расслабленные. Оказаться прямо среди них – это что-то нереальное, и я едва не роняю поднос.

– Наконец-то, – говорит Аттикус, лениво растягивая слова. – Мы чертовски проголодались.

Я ставлю поднос на пустой стол, и Пабло с работниками кейтеринга повторяют за мной. Кажется, Пабло чувствует себя некомфортно, словно боится, что нас поймают.

– Спасибо, парни, – говорит чудак и, достав кошелек, выдает нам четверым двадцатидолларовые купюры.

Работники кейтеринга кажутся сбитыми с толку, не понимая, почему чаевые дают мне и Пабло, но лишь пожимают плечами и уходят.

Я не из стеснительных, так что подхожу к Аттикусу.

– Я большой фанат, – говорю я. – Ваша песня «Сражайся за это» помогла мне преодолеть тяжелые времена.

Он улыбается:

– Рад это слышать, дружище. Как тебя зовут?

– Райан. А это Пабло, – говорю я, показывая на друга.

– Рад познакомиться, парни. – Он протягивает руку для рукопожатия. – Эй, вы можете остаться и посмотреть концерт, если хотите. Если у вас больше нет доставок.

Мы с Пабло обмениваемся взглядами, а потом поворачиваемся к Аттикусу.

– Доставок больше нет, – бормочет Пабло.

Я прочищаю горло.

– Э-э, да, это была наша последняя доставка. Было бы классно послушать концерт, друг.

Аттикус кивает художавому парню.

– Брайан, дай им проходки, – приказывает он.

Брайан показывает нам следовать за ним по коридору. Я уже думаю, что нас сейчас выкинут, когда мимо проходит Голова-Швабра, но, к счастью, он так занят сообщением в телефоне, что не замечает нас. Мы проходим мимо охраны к огромной толпе, собравшейся перед сценой. Клуб забит.

Когда Брайан оставляет нас в первом ряду, я бросаю взгляд назад на огромное количество людей в зале. Здесь только стоячие места. Я толкаю Пабло.

– Это офигенно.

– Для кого? – Пабло рассматривает слишком большие колонки. Мы стоим так близко к ним, что могли бы коснуться. – Э... Райан, кажется, мы слишком близко.

– Нет. Это идеально, мужик.

Толпа начинает реветь, когда выключается свет и на сцену выходит группа на разогреве. Это менее известная панк-группа «Псиклоны». Вскоре огни сцены снова вспыхивают яркими цветами. Толпа двигается еще ближе, и мы стоим почти друг на друге, но мне все равно. Пол вибрирует в такт биту, я машу кулаком в воздухе и прыгаю под музыку. Обычно я сдержанный и замкнутый, но эта музыка проникает мне в душу.

Пабло изумленно качает головой, словно не может поверить, насколько я расслабляюсь.

Солист «Псиклонов» поет кому-то на другом краю сцены. Я слежу за его взглядом и вижу латиноамериканку с длинными каштановыми волосами и синей прядью. Кажется, она проживает лучшие моменты своей жизни. С ней две подруги, они улыбаются и наслаждаются панк-музыкой.

Я хватаю Пабло за локоть и указываю на девушек в толпе.

– Видишь? Мексиканцы любят панк-музыку, – говорю я ему.

Он пожимает плечами.

– Они классные *chicas*, но, должно быть, они *loco*.

Loco? Мне так не кажется. Я смотрю на девушку с синей прядью в волосах. Она подпрыгивает в такт музыке, совершенно расслабленная, словно ничто в этом мире ее не заботит. Я не могу отвести от нее глаз.

Когда «Псиклоны» допевают все песни из сет-листа, в зале снова становится темно, и энергия поднимается в преддверии «Теней Тьмы».

– А теперь мы можем уйти? – спрашивает Пабло. – Мне кажется, вон та девушка с татуировкой паука на лице только что схватила меня за зад. Я чувствую себя оскверненным.

Я вскидываю бровь:

– Оскверненным?

– Ты ее видел? Старик, я боюсь пауков. Можешь представить, каково это – целовать ее, а потом открыть глаза и увидеть огромного паука так близко к твоему лицу? – Он притворяется, что его тошнит. – Я бы не жаловался, если бы мы стояли рядом с теми горячими латинас на том конце сцены, которых ты показал.

– Тогда пойдем, – говорю я ему, но, прежде чем мы успеваем протолкнуться к другому краю сцены, вспыхивает цветное пламя, и выходят «Тени Тьмы».

Аттикус Пэттон стоит у подножия сцены и крепко держит микрофон.

– Йо, Техас! – кричит он изо всех сил, и толпа сходит с ума.

Барабанщик дает бит, и Аттикус начинает исполнять «Хаос» – песню о парне, чей разум по ночам заполняется случайными мыслями.

«В голове начинает стучать, а мой мир начинает сотраться» – поднимается голос Аттикуса над быстрым ритмом музыки.

Такое впечатление, что песня вдохновляет толпу на хаос, внезапно все очищают место перед сценой, и образуется пространство для слэма²⁹ тем, кто готов врезаться друг в друга и толкаться. Меня это не пугает. Это словно вызов. Мне сразу же хочется оказаться в самом центре.

Хаос!

Что со мной не так? Эти мысли не дают мне покоя.

Хаос!

Я толкаю Пабло и показываю на слэм. Ему хватает одного взгляда на кучу фанатов, дико врезающихся друг в друга, и его глаза широко распахиваются.

– Ну уж нет! – отвечает он.

Только когда безумие выходит наружу, я свободен!

---

²⁹ Действие публики на музыкальных концертах, при котором люди толкаются и врезаются друг в друга.

К черту правила, к черту общество!

– Мы идем туда, – обращаюсь я к Пабло, перекрикивая гроыхающую музыку.

Он качает головой, но в это мгновение кто-то толкает его в слэм. Я тоже пробираюсь туда, наслаждаясь тем, как толпы людей просто отрываются. Аттикус Пэттон прав. К черту условности и правила. Кому какое дело до опасности? Жизнь заключается в безумии и освобождении от запретов.

Сперва осторожный, Пабло начинает смеяться, пока его толкают с одного края потного слэма в другой. Мы – компания глупых, сумасшедших ребят, которые не боятся рисковать. Это не для слабохарактерных, но, взглянув в центр круга, я вижу, что туда затянуло девушку.

Девушку с синей прядью в волосах.

Вот черт!

Это нехорошо. Она врезается в парня, и удар практически отправляет ее в воздух. Должно быть, она в ужасе от парней в два раза больше, толкающих ее.

Кто-то должен ее спасти, и, хотя мой девиз – «К черту геройство», я не собираюсь наблюдать, как девушку ранят или убивают, потому что какой-то идиот решил затолкнуть ее в слэм.

Я бросаюсь в шумную толпу, намереваясь добраться до девушки, прежде чем ее растопчут.

Пришло время хоть раз побыть героем.

Шестая глава

Далила

Люди в слэме потные и громкие. Они скачут, словно их ударило током.

И мне это нравится!

Это стоило того, чтобы проникнуть в дом и стащить паспорт без разрешения.

Аттикус Пэттон выкрикивает слова, словно хочет, чтобы его услышал весь штат Техас... и Мексика тоже. Я наблюдала за слэмом со стороны, но потом решила присоединиться к веселью. Дома я изображаю идеальную дочь. Здесь я могу быть кем угодно. Меня мотает туда-сюда в хаосе, но я чувствую себя более свободной и дикой.

Пока меня не останавливает железная хватка на талии. Внезапно меня вытаскивает из круга какой-то придурок с твердыми, словно камень, бицепсами и широкой грудью.

Что за...

Когда он ставит меня на ноги, я разворачиваюсь и встречаюсь взглядом с самыми голубыми глазами, которые когда-либо видела. На его идеально высеченном лице играет самодовольная улыбка. Неужели он думает, что, раз он симпатичный, то может таскать меня, как какую-то тряпичную куклу?

Он наклоняется и громко говорит:

– Можешь поблагодарить меня потом.

Поблагодарить его?

– За что? – Я пытаюсь перекрыть музыку.

– За твое спасение.

С губ срывается смешок. Мое спасение? Он что, шутит? Это меня так раздражает, что первым делом мне хочется сделать ему выговор на моем родном языке.

– Меня не надо спасать, *pendejo!* – объявляю я, и раздражение просачивается в мой голос. – Я могу о себе позаботиться, мистер Америка.

Он просто стоит, застыв на месте.

Не желая пропускать веселье, я проталкиваюсь мимо него и снова бросаюсь в слэм. Аттикус исполняет следующую песню, ту, что восхваляет уникальность, – «Это я».

«Это я, я не стану меняться ради тебя.

Принимай меня таким, как я есть, или я найду кого-то другого».

Пока меня кидает из стороны в сторону, весь стресс, который я недавно испытывала, каким-то образом улетучивается. Стресс из-за давления родителей, чтобы я приняла правильное решение по поводу моего будущего; стресс, потому что я не уверена, смогу ли соответствовать их ожиданиям; стресс, потому что я хочу помочь облегчить их боль из-за потери Лукаса.

Внезапно они начинают петь «Одну ночь безумия». Я закрываю глаза и пытаюсь вспомнить, каково было сидеть в машине с братом. Я помню, что он всегда стучал по панели, словно играл на барабанах и уговаривал меня делать то же самое. Между песнями он рассказывал мне про свои надежды и мечты стать доктором. Он хотел помогать тем, кто не мог помочь себе. Я взяла на себя эту роль после его смерти.

«Хватило одной ночи безумия.

Ты украла мою душу одним лишь взглядом».

Когда песня заканчивается, я ухожу из слэма и направляюсь к бару.

– Эй, – окликает меня чудаковатый парень с короткостриженными волосами и круглым лицом. – Этот концерт – потрясающий!

– Да, – соглашаюсь я.

Он наклоняется.

– Меня зовут Скайлер, – кричит он мне на ухо так громко, что моя барабанная перепонка начинает дрожать. У него короткие ноги, и своим коренастым телосложением он напоминает мне персонажа из мультиков.

– Я Далила.

Я качаю головой в такт музыке и жду, когда подойдет бармен, чтобы заказать напиток. Во рту так пересохло, что мне хочется потянуться и попить прямо из крана на барной стойке.

Я машу бармену, но вокруг собралось так много людей, что он меня не замечает. Эх.

– Я пытаюсь заказать пиво уже пять минут, – говорит Скайлер. – Хочешь, я тебя угощу?

Я качаю головой и показываю на руку, на которой нет печати «Старше 21».

– Мне просто колу, – говорю я ему. – Если этот парень когда-нибудь подойдет.

Вытянув шею, я вижу Суну на другом конце клуба. Она разговаривает с тем же парнем, с которым болтала последние двадцать минут. Ее глаза горят вниманием, и она искренне смеется над его словами. Она точно хорошо проводит время.

Деми привлекает внимание гитариста «Теней Тьмы», который улыбается ей со сцены, словно она богиня. Наверное, он думает, что она окажется какой-то фанаткой, готовой пойти с ним за кулисы, но он сильно ошибается. Деми, может, и любит пофлиртовать, но она против отношений на одну ночь.

Скайлер хлопает меня по плечу.

– Вот, – говорит он, передавая мне прозрачный пластиковый стаканчик. – Кола, правильно?

Я киваю и забираю у него напиток.

– Спасибо.

– Ты живешь здесь? – спрашивает он.

– Не совсем.

– И я тоже. – Он отпивает пиво, и я чувствую, как его рука опускается мне на талию. Я делаю маленький шаг в сторону, чтобы между нами было расстояние. – Я приехал из Невады с однокурсниками. Мы остановились в отеле на углу.

– Круто. – Когда я поднимаю стакан ко рту, тот парень с голубыми глазами, грубо вытаскивший меня из слэма, подбегает и выбивает колу из руки. Стакан взлетает в воздух, и его содержимое выливается на меня.

– Что с тобой не так? – кричу я и смотрю на свою промокшую одежду.

– Да, чувак, – говорит Скайлер, надувая грудь, словно павлин, готовый к схватке. – Она со мной.

Прежде чем я успеваю моргнуть, кулак мистера Америки врежется в челюсть Скайлера. Парень отшатывается назад и падает на пол.

– Ты с ума сошел? – кричу я на незнакомца, неловко отталкивая его.

– Он подсыпал что-то в твой напиток, – говорит мистер Америка спокойным, ровным голосом.

– Что? – Я сердито гляжу на Скайлера, который все еще валяется на полу. – Это правда? Глаза Скайлера распахиваются, и он прижимает ладонь к покрасневшей щеке.

– Я ничего не добавлял в твой напиток! Клянусь!

– Чувак, я, черт возьми, это видел! – Мистер Америка хватается Скайлера за ворот и поднимает на ноги. – Оставайся здесь, – рычит он сквозь стиснутые зубы. – Я позову охрану.

В моей груди нарастает паника, когда я бросаю взгляд на охрану. О нет! Я узнаю среди них Джерардо – телохранителя, которого папа нанимает на вечеринки и корпоративные мероприятия. Нельзя, чтобы он меня допрашивал. Что, если он расскажет отцу, что я пересекла

границу без разрешения? Я попаду в такие неприятности! Как только мистер Америка разворачивается, чтобы позвать охрану, я подскакиваю и закрываю ему рот рукой.

– Не делай этого!

Он отталкивает мою руку.

– Почему?

– Потому что это неважно.

– Неважно, что он пытался опохмелить тебя? – спрашивает он.

– Забудь.

Теперь, когда мы отвлеклись, Скайлер выбегает через выход и исчезает.

Мистер Америка тихо выругивается.

– Кажется, ты не так уж можешь позаботиться о себе, как думаешь, – говорит он мне.

Я тычу пальцем ему в грудь.

– Тебе нужно... – Я замолкаю, потому что краем глаза вижу, как Джерардо пробивается сквозь толпу, направляясь к нам. Зрители окружают нас, наслаждаясь развернувшейся драмой. Я пытаюсь найти выход из этого беспорядка и избежать внимания, но бесполезно. Офицер в форме загораживает мне дорогу. Он крупный парень с пронзительными глазами и острым носом.

– Что здесь происходит? – спрашивает он грубым голосом.

– Ничего. – Я хватаю мистера Америку за руку и наклоняюсь к нему, чтобы скрыть лицо от Джерардо. – Не так ли, малыш?

– Так, – отвечает мистер Америка ровным голосом.

Офицер задерживается на минутку. В попытке заставить его уйти я поднимаюсь на цыпочки. Молясь, чтобы мистер Америка подыграл, я погружаю пальцы в его густые волосы и прикасаюсь губами к его губам. Я намерена сделать этот поцелуй убедительным.

Вместо отвращения прикосновение его мягких, но напряженных губ к моим посылает поток восхитительных ощущений по моей спине. Я и раньше целовала парней, но никогда не было таких мурашек, как сейчас. Это чувство приятное и успокаивающее. Очевидно, этот парень не новичок по части поцелуев.

Когда мы отрываемся друг от друга, чтобы вздохнуть, его глаза прикованы к моим. Я едва осознаю, что офицер ушел, а Джерардо обратил внимание на других. Я прочищаю горло и медленно и долго выдыхаю, чтобы сердце перестало скакать. На мгновение я забываю, где мы, пока не слышу снова пение Аттикуса.

«Смерть стучится ко мне в дверь. Большие не приходят».

– Как удачно все получилось, – огрызается на нас рыжеволосая девушка. Она смотрит на наши все еще переплетенные руки. – Просто небольшой совет, – обращается она ко мне, перекидывая музыку, – он парень на одну ночь. Утром этот лузер бросит тебя и ни разу не обернется.

Мистер Америка забирает свою руку из моей. Он, кажется, совсем не в восторге от присутствия этой девушки.

– Михайла, мы не...

– Мы не на одну ночь, – прерываю я его, потом с любовью беру за локоть. – Потому что мы встречаемся уже два месяца и собираемся вместе пойти в колледж.

Прежде чем он успевает ответить, Михайла заливается смехом.

– Колледж? Ха! Хорошая шутка. – Ее смех все еще звенит в воздухе, но она уходит от нас, чтобы присоединиться к компашке друзей, наблюдающих за разговором.

– Теперь мы квиты, – говорю я мистеру Америка и убираю руку с его руки. – Ты спас меня от того парня, подсыпавшего что-то в мой напиток, а я спасла тебя от злобной девицы.

– Ты не права, – говорит он хрипло. – Я помог тебе спрятаться от того охранника и отвлек копа. Очевидно, что ты прячешься от закона. Ты что, вооружена и опасна? – дразнит он.

Я расправляю плечи и выпячиваю подбородок, пытаюсь выглядеть уверенной. Я стараюсь не обращать внимания на его мягкие полные губы, которые были моими всего минуту назад. – Ты не знаешь, о чем говоришь. Я ни от кого не прячусь.

Он облокачивается на барный стул и скрещивает руки на груди, словно ничего в мире его не заботит.

– Тогда зачем ты меня поцеловала?

Быстро придумай что-то, Далила.

– Я думала, что ты хорошо целуешься, – говорю я ему и добавляю: – Но я ошибалась.

С этими словами я разворачиваюсь на каблуках и иду в толпу. Мое сердце бьется так же быстро, как бит музыки. Когда я нахожу Суну, она все еще болтает с тем парнем, от которого не отходила всю ночь.

– *Dios mios*, ты в порядке? – спрашивает она взволнованно, когда я становлюсь рядом с ней. – Твоя одежда промокла. И твое лицо все красное.

– Я в порядке, – вру я. Я так смущена, что мое сердце все еще колотится после поцелуя. – Мне просто нужно немного подышать воздухом.

Седьмая глава

Райан

Я направлялся в бар, когда увидел, что парень у стойки подсыпает что-то в ее стакан. Я чуть не растолкал всех на своем пути, чтобы добраться до нее раньше, чем она его выпьет. Вместо того чтобы позаботиться об аресте этого придурка, она стала протестовать. Было очевидно, что она что-то скрывает, когда я позвал охрану.

А потом она меня поцеловала.

Я и раньше целовал девушек, но эти полные сладкие губы пробудили во мне то, что я считал уже давно мертвым. Возможно, все дело в этом месте и безумном концерте. Вся эта ночь была какой-то нереальной.

Я бросаю взгляд на море людей и вижу, что мне машет Пабло. Когда мне удастся подойти поближе, то я понимаю свою ошибку. Пабло разговаривает с девушкой с синей прядью и ее подругами.

Я встаю рядом с ними, но сразу же чувствую все взгляды на себе.

– Кто ты? – спрашивает ее подруга, словно я вторгаюсь в их личный разговор.

– Все круто, – говорит ей Пабло. – Это мой друг, Райан. Это Суна и ее подруга Далила. – Он указывает на девушку в нескольких футах от него. – А это Деми.

Девушка с синей прядью, Далила, даже не смотрит на меня, когда Аттикус начинает петь «Потерянный, но не забытый». Такое впечатление, что я внезапно стал невидимым.

«Может, тебя и нет, ты далеко.
Божий ангел, не дай мне сбиться с пути.
Воспоминания о тебе никогда не уйдут,
Это сердце будет твоим
каждый день моего горя».

– Далила, ты в порядке? – спрашивает ее подруга Суна.

Далила пожимает плечами.

– Это песня напоминает мне о Лукасе. – Она вытирает глаза. – Мне нужно выйти отсюда, – говорит она.

Протолкнувшись мимо нас, Далила направляется к выходу.

– Далила, стой! – окликает ее Суна, но девушка не поворачивается. Одарив Пабло извиняющейся улыбкой, Суна бежит за подругой.

– Я забыл попросить у нее номер телефона, – говорит он мне.

Мне не хватало только обвинений, что я преследую эту девчонку.

– Я не пойду за ними.

– Да ладно, мужик. – Пабло кладет руку мне на плечо. – Ты мой напарник. Ты моя команда. Ты мой...

– Хорошо. Просто возьми номер, и пойдем.

Он скидывает бровь.

– В чем проблема, Хесс? Ты не хочешь поговорить с ее подругой Далилой? Она милая.

– Не мой типаж, – вырывается у меня.

– А какой твой типаж?

Я гляжу на девушку с татуировкой паука на лице.

– Такой.

Он смеется:

– Арахнид? Сомневаюсь.

На улице мы видим всех трех девушек, разговаривающих друг с другом у фонарных столбов. Суна широко улыбается, завидев Пабло. Я стою, засунув руки в карманы, и пытаюсь выглядеть уверенно. Мне плохо удастся, особенно когда мимо проходит Микайла Харрис со своей компашкой друзей и ухмыляется.

Когда я поднимаю взгляд, глаза Далилы встречаются с моими. Я сразу же отворачиваюсь и хлопаю Пабло по плечу.

– Пойдем, старик, – говорю я ему. – Сейчас. – Я не собираюсь позволять Микайле оскорблять меня перед всеми.

После того как Суна с Пабло обмениваются номерами, Далила уводит своих друзей прочь от клуба. Но то, что я больше не вижу девушку, не значит, что я перестал вспоминать тот поцелуй. По дороге домой Пабло все говорит о Суне и о том, какая она замечательная.

– Я рад, что ты заставил меня пойти сегодня на «Тени Смерти».

– «Тени Тьмы», – исправляю я его.

– Какая разница. Возможно, я встретил девушку своей мечты, – говорит он. – Суна была прекрасна, разве не так?

– Конечно, чувак. Тебе виднее.

– Может, ты будешь встречаться с одной из ее подруг. – Его глаза светятся. – Разве это было бы не круто?

– Нет. Выбирайся из машины.

– Тебе понравилась девушка с синей пряжей в волосах, – говорит он. – Я заметил, как ты на нее смотрел. Я не видел, чтобы ты так смотрел на других.

– Ты не знаешь, о чем говоришь. Думаю, ты слишком много сегодня выпил.

– Я ничего не пил, старик. – С изумленным смехом Пабло вылезает из моей машины, и я направляюсь домой. Вся эта ночь была словно песня «Теней Тьмы» – хаос и полный беспорядок.

* * *

Утром Пол набрасывается на меня, как только я спускаюсь по лестнице.

– Куда ты? – спрашивает он. На нем униформа, но это не значит, что он сегодня работает. Он и спал бы в ней, если бы мог.

– Спортзал, – говорю я ему.

– Он думает, что он Мухамед Али, – окликает прыщавый Аллен гнусавым голосом, просяживая свою задницу в гостиной. Парень редко слезает с дивана, а его диета в основном состоит из сахара и полуфабрикатов.

– Ага, – вставляет Пи Джей.

Я даже не отвечаю, потому что мне лучше с ними не спорить. Особенно перед Полом.

– Где моя мама?

– Вышла, – говорит Пол. – Зайди на кухню, Райан. Мне нужно с тобой поговорить. – Я слышу стук его туфель по полу из твердого дерева, когда он направляется на кухню.

Я следую за ним на кухню и облокачиваюсь о столик.

– Присядь, – приказывает он. Я уже вижу, что эта встреча не будет веселой. – Я нашел тебе летнюю подработку, – говорит Пол, – на ферме у Джонсонов. Ты будешь работать в полях и убирать за их скотом.

– Я не собираюсь работать на ферме Джонсонов, – говорю я ему.

– Нет, будешь. Я уже это подтвердил, – говорит Пол, поправляя очки на носу. – Пять дней в неделю, с пяти утра до двух часов дня.

Он что, шутит? Пол нашел Аллену стажировку в юридической фирме дяди, а Пи Джей будет работать с ним в полицейском участке. Мне же достается копать в дерьме все лето.

– Почему ты думаешь, что можешь приказывать мне, а я не буду возражать? – говорю я ему. – Я буду.

– Я босс всего этого города, ты, неблагодарный ублюдок.

Пришло время скинуть бомбу.

– Я уезжаю в Мексику тренироваться.

– Обучаться, как быть неудачником? Нет, – протягивает Пол с преувеличенным тexas-ским акцентом. – Это мой дом, и, пока ты в нем живешь, будешь делать, что говорю я.

– Я не буду жить в нем летом, – отвечаю я.

– Райан, перестань притворяться, что бокс тебя куда-то приведет. Пришло время встретиться лицом к лицу с реальностью.

Бокс – единственное, что у меня есть, но ничего хорошего не будет, если я ему это скажу.

– Мне нужно это сделать, чтобы увидеть, куда это меня приведет.

Пол фыркает.

– Это приведет тебя в трейлерный парк, откуда ты и пришел. Знаешь, где твой отец, Райан? – Он кладет обе руки на стол и наклоняется ко мне. – Он в тюрьме, Райан. Пожизненно. Хочешь знать, за что его посадили?

Я качаю головой:

– Нет.

– Ну, а я тебе расскажу. Он кого-то убил, застрелил в драке в баре.

Я серьезно не хотел этого знать.

– Ты такой же, как он, – выплевывает Пол. – Твои оценки – дерьмо, и ты не попадешь в колледж. Ты обрюхатишь какую-нибудь девушку и бросишь ее, как твой отец поступил с твоей мамой. Или ты женишься, но твою голову разобьют в боксе, и жене и детям придется заботиться о тебе.

Его слова возвращают меня к воспоминаниям об одном из парней мамы, который использовал меня как свою личную грушу, когда я был маленьким.

Мои руки сжимаются в кулаки, и все тело немеет. К счастью, передняя дверь со скрипом открывается, и я слышу мамин голос. Она дома.

Я оставляю Пола стоять в кухне и встречаю ее у двери.

– Мам, – говорю я. – Я больше так не могу. Ты знала, что Пол нашел мне работу – все лето убирать всякую хрень?

Она сжимает коричневую сумку с алкоголем внутри.

– У меня сильная головная боль, Райан, – стонет она. – Дай мне часок, а потом поговорим.

– У тебя нет головной боли, мама. У тебя похмелье.

Она пытается отмахнуться от меня. Я уже к этому привык, так что это больше на меня не влияет. Я помню, когда мне было десять, я пришел в ее спальню сказать, что у меня болит живот и мне плохо. Она сказала, что я почувствую себя лучше, если пойду в школу. Я пошел, и это кончилось рвотой посреди класса миз Страссер. Это сделало меня еще большим изгоем.

– Я собираюсь жить в Мексике этим летом и тренироваться там в спортзале, – вырывается у меня.

– Как знаешь, – говорит она. – Делай, что хочешь.

Она уходит на кухню, показывая, что наш разговор окончен. Я бегу в свою комнату и быстро засовываю разные вещи в спортивную сумку, включая все деньги до последней копейки, которые накопил за эти годы.

Это моя последняя надежда доказать, что я не такой неудачник, как мой отец.

Я не могу провалиться.

Восьмая глава

Далила

Уже прошла неделя с тех пор, как я вернулась из Техаса. Официально решено, что это была самая странная ночь в моей жизни. Суна с Деми перепугались, когда узнали, что меня чуть не опоили, друг Пабло выбил напиток из моей руки. Мне понравились концерт и чувство свободы и беспечности, но жаль, что я не заметила стремные намерения Скайлера. Мне нужно быть более внимательной, чтобы не приходилось полагаться на какого-то незнакомца, готового меня спасти.

Теперь я вернулась в Мексику, в ту же скучную рутину.

Манящий запах маминых домашних *chorizo*³⁰ пробуждает меня. Я смотрю на телефон и понимаю, что уже почти шесть. Все еще в пижаме, я ковыляю в кухню. *Chorizo* готовятся на плите, пока мама сворачивает *albóndigas*³¹ в маленькие шарики. Большое количество разных продуктов на кухонном столе указывает на то, что готовить она будет целый день.

Мама, конечно, любит готовить, но это уже слишком.

Я сажусь за кухонный островок и рассматриваю ее поле деятельности.

– Для чего вся эта еда?

– Готовить для своей *familia* важно, Далила, – отвечает мама.

– Ты так не готовишь каждый день. Что-то происходит.

– Когда желудок моего мужа полон, – говорит она, – он меньше подвержен стрессу.

– Стресс? – Я проснулась посреди ночи и видела, что в папином кабинете включен свет, но ничего об этом не подумала. Он редко говорит о своей работе или клиентах, так что, как обычно, я ничего не знаю. – Все нормально?

– Все хорошо, дочка. – Она мастерски режет *pollo*³² для *sopa*³³ и бросает в большую кастрюлю. – Он взял нового клиента и готовится к даче показаний под присягой.

– Нового клиента? – Я беру немного *masa*³⁴ и воды, чтобы помочь приготовить тортильи. – Это кто-то знаменитый?

Мама закрывает дверь в кухню и говорит тихим голосом:

– Это громкий случай.

– Кто это? Это как-то связано с его напряженным разговором с доном Крузом?

Она не отвечает.

– Далила, ты просто старайся быть примером сестрам. Из университета уже писали? Ты же знаешь, что должна получить высокие оценки за тесты, чтобы попасть в медицинскую школу. Если ты хоть немного оплошаешь, шансы уменьшатся.

Давление завышенных ожиданий моих родителей заставляет мой желудок свернуться узлом.

– Знаю. Вы будете мной гордиться.

Она кажется удовлетворенной, передавая мне чашку с водой.

– Конечно будем.

---

³⁰ Колбаски

³¹ Фрикадельки

³² Цыпленок

³³ Суп

³⁴ Тесто

Я мою руки в большой раковине, и голубая жидкость для мытья посуды напоминает мне глаза Райана.

Ох, не хочу о нем думать.

С тех пор как я вернулась, в моей голове все время вспыхивают маленькие воспоминания о той ночи в Техасе. Я не могу избавиться от мыслей о нашем поцелуе, когда засыпаю. О чем я думала, позволив ему целовать меня так интимно? Это был порыв, о котором я жалела.

Мама передает мне поднос с *chorizo con huevos*³⁵.

– Отнеси это своему отцу. Может, хоть ты сможешь заставить его поесть.

– Да, мама.

Я нахожу папу в кабинете, он говорит с кем-то по телефону. Его темные волосы седеют, а морщинки стали глубже, чем раньше. Как только я захожу в комнату, он говорит человеку на другом конце линии, что перезвонит.

Я ставлю поднос на стол.

– Мама сказала, что тебе нужно поесть. Она волнуется за тебя.

Он тепло улыбается.

– Не нужно волноваться, *carinõ*. Все *perfecto*³⁶.

– Кажется, ты говорил мне, что ничто в жизни не идеально, папа. – Я сажусь на край стола и вижу имя на папке перед ним. Сантьяго Вега. Мое тело напрягается. Я читала в интернете, что Сантьяго Вега, бизнесмена, подозреваемого в связях с картелями, арестовали. Моему мозгу сложно осознать тот факт, что его имя на папиной папке.

– Пожалуйста, скажи, что не представляешь Сантьяго Вега.

– Не могу.

– Зачем тебе помогать преступнику, связанному с «Лас Калаверас»?

– Ты же знаешь, что я не могу обсуждать своих клиентов, *mija*. – Он снимает очки и трет лоб, словно от этого разговора у него началась головная боль. – Я так понимаю, ты едешь в боксерский зал с Рико Крузом. Уверена, что хочешь поехать? Я могу позвонить и все отменить за тебя.

Я знаю, что он специально поменял тему, но легче от этого не становится.

– Конечно же я хочу поехать с Рико, папа. Будет весело. Не волнуйся за меня.

Он целует меня в макушку.

– Я волнуюсь за всех своих девочек.

– Знаю. И мы любим тебя за это. – Я целую его в щеку и оставляю работать. Я не сказала ему, что и я за него волнуюсь. Особенно если он собирается представлять такого парня, как Сантьяго Вега.

Десять минут спустя я краем глаза замечаю, как Коко крадется по главному коридору. Мои маленькие сестры-близняшки любят похулиганить, и, когда Лола не смотрит, они точно могут попасть в неприятности.

– Коко, что ты делаешь? – окликаю я.

Она пытается спрятать лицо.

– *Nada*³⁷.

Я хватаю ее за руку, отвожу в мою спальню и тогда замечаю, что на ее лице словно рисовали картины.

– Зачем тебе макияж?

– Чтобы выглядеть красиво.

Я становлюсь на колени перед ней и беру за руку.

---

³⁵ Колбасой и яичницей

³⁶ Идеально

³⁷ Ничего

– Коко, тебе не нужен макияж. Ты и так красива с твоими-то большими карими глазами и этой милой яркой улыбкой. Где ты нашла косметику?

Она размахивает руками.

– Это секрет.

Я вскидываю бровь.

– Где Галена?

Коко хлопает ресницами, покрытыми тушью.

– Может быть, она в нашей спальне.

– Мама не обрадуется, если узнает, что вы взяли ее косметику без разрешения.

– Э-э-э... возможно, это твоя косметика, Далила. – Ее большие глаза широко распахиваются, и детские ручонки тянут за юбку. – Но я этого не делала.

– Угу. Я даю вам с Галеной шестьдесят секунд, чтобы вернуть все на место.

Она выбегает из комнаты, и я начинаю считать. Топот босых ножек по керамической плитке эхом разносится по дому.

Пока я жду возвращения сестер с украденным, звонит мой телефон. Это Рико хочет сообщить, что будет у моего дома через пять минут. Он везет меня в спортзал, чтобы похвастаться своими бойцовскими навыками, но, если честно, для меня это просто способ выпустить пар.

Мне нужно чаще выбираться. Хотя мы и живем в огромном поместье, здесь у меня иногда приступы клаустрофобии.

Пока я надеваю шорты и майку, Галена складывает охапку косметики на мой комод.

– Это было в нашей комнате.

– Правда? – спрашиваю я. – Как оно туда попало?

Она пожимает плечами. Ее маленькая сообщница, стоящая рядом, тоже пожимает плечами.

Я прошу девочек сесть на край кровати и сажусь на корточки лицом к ним.

– Я не против, чтобы вы играли с моей косметикой, но в следующий раз вы должны спросить. Или дать мне это сделать, и тогда мы можем устроить мейкап-вечеринку. – Я протягиваю руку и взъерошиваю волосы на их макушках. – Но больше не прокрадывайтесь в мою комнату и не берите мои вещи. Понятно?

Коко яростно кивает.

– Мы поняли, – соглашается Галена.

– Прости нас, Далила, – вставляет Коко.

– Еще одно. Вы особенны и прекрасны. Вам не нужен макияж, чтобы быть красивыми. Теперь идите и умойтесь, прежде чем мама или Лола увидят вас и заставят еще раз принять душ.

После этого они выскальзывают из моей комнаты, словно их секретная миссия – спрятаться от любого, кто собирается заставить их принять душ.

Спеша вниз, я врываюсь на кухню. Лола жарит свежие тортильи, которые я начала делать этим утром. От запаха во рту появляются слюнки.

– Где мама?

– На веранде заднего дворика, – говорит она.

Я выхожу туда и вижу, что она смотрит на поля за домом. Она хмурится и кажется взволнованной.

– Мама, я уезжаю с Рико.

Она кивает.

– Твой отец сказал мне.

– Все нормально?

– Конечно. Просто... будь осторожней.

– Обязательно.

Не знаю, почему она ведет себя так отстраненно, но после смерти Лукаса она иногда уходит в себя. Порой это длится неделями, и папа говорит, что лучше оставить ее в покое, чем пытаться утешить.

– Я рядом, если нужна тебе, – тихо говорю я.

– Знаю.

Вернувшись внутрь, я смотрю на себя в зеркало в коридоре. На мне нет макияжа, и волосы просто завязаны в хвостик. Мне ведь не надо наряжаться, чтобы провести время со старым другом и побоксировать.

Несколько минут спустя я вижу Рико. Он ждет меня, сидя на скамейке.

– Готова? – спрашивает он, оценивающе глядя на меня.

На нем узкие джинсы и дизайнерская рубашка на пуговицах, а его волосы идеально уложены, словно он собирается позировать для фотосессии. Он выглядит совершенно не готовым к тренировке на боксерском ринге, но это типичный Рико. Мода важнее удобства.

– Э-э-э... ты захватил с собой спортивную одежду? – спрашиваю я его. – Мы же едем в боксерский зал, разве не так?

Уголки его губ поднимаются в улыбке.

– Конечно. Я всегда так одеваюсь, когда куда-то еду.

Я не смогла бы завести серьезные отношения с парнем, который заботится о своей внешности больше меня. В то время как я просто что-то натянула на себя, Рико, скорее всего, планировал, что именно надеть, с той самой минуты, как мы это задумали.

В машине Рико включает радио и смотрит прямо перед собой. Когда мы добираемся до главной дороги и оставляем «Ла Хоя де Сандоваль» позади, он кладет руку на спинку моего кресла. Жест слишком интимный, и я гадаю, встречается ли он все еще с той девушкой, с которой был в прошлом году. Мне не хочется спрашивать, вдруг он подумает, что я флиртую.

– Мне нужно остановиться в Нуэво Ларедо, чтобы оставить кое-что моему кузену, – говорит он, словно в этом нет ничего особенного. – Это будет хорошая поездка. Его дом пуст, так что мы можем потусить там, прежде чем поехать в Севилью.

Сначала я думаю, что он меня разыгрывает, но нет. Он совершенно серьезен.

– Рико, я не поеду с тобой в Нуэво Ларедо.

Он бросает на меня косой взгляд.

– Только не говори мне, что не готова к маленькому приключению.

Во что я ввязалась?

– Единственное нужное мне приключение – урок бокса в Севилье, Рико. – Я держу телефон на коленях, зная, что могу позвонить папе, чтобы он забрал меня, если понадобится бежать от Рико. – Я думала, мы сразу едем в спортзал.

– Планы поменялись. Не забивай свою красивую головку, *chica*. Это просто еще одна быстрая поездка.

Он сворачивает с главной дороги в сторону шоссе, ведущего к Нуэво Ларедо.

– Рико, отвези меня в спортзал, – говорю я. – Мне не по себе от поездки в Нуэво Ларедо.

– Я защищу тебя, – говорит он, открывая среднюю консоль и показывая пистолет, словно это все, что нам нужно для защиты. – Поверь мне, никто не станет с нами связываться.

Что случилось с парнем, которого я знала? Мы играли в карты и прятались в полях позади моего дома. А теперь Рико хвастается деньгами и оружием. Я указываю на пистолет:

– От этого мне должно стать легче?

Он смеется.

– Типа того. Что, когда за тебя дерется *hombre*, это не твое представление о хорошем свидании?

Его слова напоминают мне о Райане, у которого не было пистолета. У него были кулаки.

– Ненавижу оружие. – Я качаю головой, надеясь, что он поймет намек. – Я серьезно. Если хочешь поехать в Нуэво Ларедо, отвези меня домой.

Он громко вздыхает, а затем разворачивает машину и направляется назад к главной дороге.

– Ладно, твоя взяла. Раньше ты любила приключения.

– Я люблю приключения.

На его лице мелькает улыбка.

– Какое безумие ты сотворила в последний раз?

– Я... пересекла границу и пошла на панк-концерт. Мои родители понятия не имеют, что я это сделала. Достаточно безумно для тебя?

Он кивает.

– Это совсем маленькое безумие. Я могу отвезти тебя в кое-какие дикие места, если ты к этому готова.

– Скоро фестиваль Панче. Я иду с парочкой подруг, которые точно любят приключения. Тебе нужно с ними познакомиться.

Он кивает:

– Похоже на план.

Я выглядываю в окно на яркое солнце, танцующее на керамических крышах маленьких домиков, мимо которых мы проезжаем. Они напоминают мне дом, в котором живет бабушка. Он маленький, но уютный. По крайней мере, я так помню. Я многие годы ее не видела.

В машине тихо, когда я решаю заговорить о том, что беспокоит меня с момента визита его родителей в наш дом.

– Ты что-нибудь знаешь о Сантьяго Вега?

Рико замирает.

– Нет, – осторожно отвечает он. – А что?

– Не знаю. Я смотрела новости и видела, что его арестовали. Кажется, мой папа будет представлять его в суде, и я подумала, может, ты что-то знаешь.

Он пожимает плечами:

– Я ничего не знаю.

Но у меня такое чувство, что знает, только не хочет делиться этим со мной.

Десять минут спустя мы подъезжаем к спортзалу. Он находится в Севилье, маленьком городе в горах, подальше от цивилизации. Мы проезжаем один маленький *mercado*³⁸ по пути, единственный на многие мили вокруг. Город маленький, и на улице нам попадаются всего несколько человек, а в остальном он пуст. Рико кажется парнем, который ничего не боится. Или парнем, который думает, что пистолет решает любой конфликт. По-моему, он страдает манией величия.

– Уверен, что здесь безопасно? – спрашиваю я.

Рико засовывает пистолет в спортивную сумку.

– *Si*.

– Тогда зачем тебе пистолет?

– Потому что я не хочу оставлять его в машине, чтобы его не украли. Все нормально. Пойдем. – Он ведет меня через незаасфальтированную парковку к большому складу. – Эй, *carriño*. Готова доказать мне, какая ты крепкая?

– Конечно. И если еще раз назовешь меня *carriño*, я тебя вырублю.

– Ха. – Он двигает бровями. – Если я упаду, то и ты со мной.

---

³⁸ Рынок

Девятая глава

Райан

Пересечение мексиканской границы на моем ржавом «Мустанге» прошло гладко. Парень-пограничник на пункте досмотра попросил мой паспорт, но едва глянул на него. Как обычно, пограничники пропускают людей из США без каких-либо проблем. Лучше бы мне не терять паспорт, пока я в Мексике, потому что въезд в США – совсем другое дело.

Я еду через Мексику, чувствуя, что оставил позади все, что знал. Я никогда раньше не заезжал так далеко в эту страну. Сначала здания и дороги кажутся такими же, как в Техасе.

Я еду дальше, и пейзаж начинает меняться.

Я выглядываю в окно и вижу у дороги людей с тележками, продающих яйца и корзинки с фруктами. На одном парне комбинезон и ковбойская шляпа, и он продает авокадо размером с грейпфрут. Думаю, это не должно удивлять меня, ведь Мексика – столица авокадо для всего мира.

Погода такая же, как и в Техасе. Жар от чрезмерно раскаленного солнца проникает через лобовое стекло – обжигающее напоминание о том, что мой кондиционер не работал с момента покупки машины. Внезапно я мечтаю о холодных зимах Чикаго. Здесь слишком жарко, и я чувствую, что таю. Выглядывая в окно, я замороженно смотрю на одинокие перекасти-поле, которые движутся по земле, словно маленькие сбежавшие шары для боулинга из соломы.

Я следую указаниям, которые дал мне Матео, и оказываюсь у бара «Mamacita's». Я смотрю на инструкцию, затем – на бар. Да, это именно то место.

Выходя под палящее солнце, я осматриваюсь. В городе есть все, от маленьких бакалейных до *taquerias*³⁹ и магазинов.

Переступив порог «Mamacita's», я приковываю все взгляды к себе. Мое тело напряжено, пока я осматриваю клиентов бара. Это место напоминает старые салуны, которые можно увидеть в фильмах. В завершение образа несколько парней потрепанного вида играют в карты, а остальные расселись вокруг бара. От моего внимания не ускользает, что у некоторых есть пистолеты, но к этому я привык с тех пор, как переехал в Техас. В Чикаго не увидишь пистолетов, разве что у копа, или если тебе повезло оказаться прямо посреди перестрелки.

– Эй, Райан! Иди сюда! – зовет Матео из угла барной стойки. Он сидит с несколькими другими парнями, сердито глазающими на меня, словно я какой-то наркоша. – Рад, что ты приехал. – Он смотрит на часы. – Ты рано. Мне это нравится.

– Где Камачо? – спрашиваю я его.

– Ого, притормози. – Матео машет барменше. – Что хочешь выпить, Райан?

– Мне и так хорошо.

– Присядь, – говорит он, ухмыляясь. – Немного расслабься.

– Слушай, дружище, я здесь не для того, чтобы расслабиться, я здесь, чтобы тренироваться. – Я показываю на полупустую бутылку пива перед ним. – Если можешь рассказать мне, как попасть в спортзал, я поеду сам.

Он откидывается на стуле и скрещивает руки на груди.

– У тебя, мой друг, наверное, самые большие *cojones*⁴⁰ из всех, кого я знаю. – Он кивает крупному парню, сидящему напротив него. – Включая Чаго вон там.

---

³⁹ Ларьки

⁴⁰ Яйца

– Почему? – спрашивает парень по имени Чаго.

– Этот парень бросил мне вызов на ринге, – объясняет он, – и победил. Это больше, чем все, на что вы способны. – Никто не спорит. – Так что теперь я отвезу его в Севилью, чтобы встретиться с Камачо. – Матео допивает пиво, а затем со стуком ставит бутылку на стол. – Пойдем, Хесс. Я немного пьян, так что ты поведешь.

В моей машине Матео отрывается под какой-то мексиканский рэп, показывая мне дорогу.

– Уверен, что знаешь, куда мы едем? – спрашиваю я, когда он показывает свернуть на грунтовую дорогу, ведущую в горы.

– *Si, amigo*⁴¹.

– Ты же знаешь, я не говорю по-испански.

Матео пожимает плечами:

– Скорее всего, начнешь в какой-то момент. Ты теперь в Мексике. Заплати кому-нибудь за уроки.

– Чем? – Я думаю о двухстах шестидесяти долларах в кармане, сбережениях всей моей жизни, после того как я потратил часть на дешевый телефон. – Я почти банкрот. Если вскоре не получу бой, то чертовски быстро окажусь на улице.

– Я уже сказал тебе. Если хочешь быть лучшим бойцом и зарабатывать *dinero*⁴², то этого не сделаешь, тренируясь в США, – говорит Матео. – Хочешь быть лучшим – тренируйся с лучшими. Даже если Камачо не будет тренировать тебя, оставайся со мной, и я найду кого-нибудь в Мексике, кто поднимет тебя на вершины.

– Почему ты помогаешь мне? – спрашиваю я. – Ты мне ничего не должен, Матео.

– Хочешь знать правду?

Я киваю.

– Потому что ты побил меня в моей же игре. Немногие способны на такое. – Он выглядывает в окно и становится серьезным. – И потому что я слышал, что твой отчим придурок и тебе может понадобиться кто-то, кто присмотрит за тобой. Как брат.

– Ты обо мне спрашивал?

Он снимает солнцезащитные очки с футболки и надевает их.

– Ага.

Мы продолжаем ехать. Через некоторое время расстояние между городами увеличивается, и мы проезжаем поселки попроще. Увидев эти бедные города, я вспоминаю времена, когда мы находились на социальном пособии. Мама не работала, и мы жили, питаясь дешевой плохой едой.

Но это была еда.

И она была бесплатной.

Для моей мамы я являлся кем-то, с кем ей надо возиться и кого надо кормить, а не тем, кого бы она хотела. Когда мне исполнилось восемь, она начала оставлять меня одного, уходя развлекаться на всю ночь. В средней школе трижды исчезала на все выходные, оставляя меня самого о себе позаботиться. Я включал телик погромче, чтобы не было слышно жутких звуков за трейлером.

– Черт, – вырывается у Матео.

Я смотрю в зеркало заднего вида. За нами – полицейская машина, и у нее включены мигалки, а офицер показывает мне остановиться на обочине. Мы далеко от города, и мимо нас проехало мало машин, так что я гадаю, законно ли это вообще.

Матео говорит:

– Все нормально, Райан. Позволь мне говорить.

---

⁴¹ Да, мой друг.

⁴² Деньги

Я останавливаюсь и вижу, как два офицера выходят из полицейской машины.

Один подходит с моей стороны. Я оставляю руки на руле, когда приближается офицер, и сжимаю его крепче, когда замечаю, что одна его рука лежит на пистолете.

Черт, это нехорошо.

Когда он берет пистолет и держит его у бедра, я бормочу себе под нос:

– Думаю, он оборотень в погонах.

– Думаешь? – саркастически замечает Матео. – Парень, они здесь все такие.

– Если он попросит меня выйти из машины или направит на меня пистолет, я разоружу его, прежде чем он поймет, что произошло.

Матео поднимает руки.

– Эй, не надо становиться таким народным мстителем, Хесс. Доверься мне. Все хорошо. Лучше, чем хорошо.

– *Hola, amigo*⁴³, – говорит офицер.

– *Mio amigo no habla español*⁴⁴, – отвечает Матео. – *El viento está cambiando de dirección oficial, y estamos en el lado correcto*⁴⁵.

Я понятия не имею, что говорит Матео, но вижу, что офицер отходит все дальше, чем больше он говорит.

Офицер отвечает:

– *Dile a tu amigo que quiero dinero en efectivo*⁴⁶.

Матео хлопает меня по плечу.

– Дай ему сотню баксов, Хесс.

Я дважды моргаю.

– Сотню баксов? Ты что, черт побери, шутишь? – бормочу я.

Матео качает головой.

– Нет. Прости, старик. Они хотят сотню баксов и тогда отпустят.

– Но я ничего не сделал.

– Считай это платой за въезд на территорию «Лос Рейес дель Норте».

Я быстро понимаю: неважно, что я ничего не натворил. Некоторые копы здесь находятся по обеим сторонам закона. Я неохотно достаю кошелек и отдаю копу сотню, оставшись всего со ста шестьдесятю долларами.

Офицер кивает.

– *Pásale, pero ten cuidado*⁴⁷, – говорит он, а потом дважды стучит по капоту моей машины, прежде чем вернуться к полицейскому авто.

Матео откидывается назад на пассажирском сиденье, словно в мягком кресле гостиной.

– Все нормально.

– Нормально? Меня лишили ста баксов. У меня не все нормально. Что ты ему сказал?

– Просто сказал, что ты боксер из США, который летом тренируется здесь.

– А кто такие «Лос Рейес дель Норте» и почему это их территория?

– Ты задаешь слишком много вопросов, Хесс.

Я взвинчен, и меня не остановить.

– «Лос Рейес дель Норте» – это какая-то банда?

– Ага. Новое движение молодых, называющих себя Королями Севера, и они набирают много новых людей. Они так могущественны, что, если ты не будешь делать то, что они хотят,

---

⁴³ Привет, друг.

⁴⁴ Мой друг не говорит по-испански.

⁴⁵ Ветер меняет направление, и мы на правильном пути.

⁴⁶ Скажи своему другу, что я хочу денег.

⁴⁷ Поезжайте, но будьте осторожны.

они с тобой покончат. – Он качает головой. – Ты должен понимать, как тут все обстоит, Хесс. Ты – белый парень с техасскими номерами посреди Мексики. Это делает тебя мишенью. Кроме того, белые парни из США славятся тем, что носят с собой наличку.

– Больше нет. Если Камачо не возьмет то, что у меня останется после оплаты жилья, мне конец.

– Я тебя поддержу, – успокаивает он меня.

Мы проезжаем горстку больших ранчо, расположенных среди гор. У некоторых имеются охраняемые входы, другие – явное напоминание, что в одном и том же месте Мексики может быть полно и богатых, могущественных людей, и бедняков, которые просто пытаются выжить. Думаю, это похоже на Техас или даже Чикаго, где люди в одном квартале могут жить в домах из коричневого камня стоимостью в миллионы, а в следующем – уже в многоквартирных постройках.

– Мы почти на месте, – объявляет Матео полчаса спустя, показывая на дорогу через маленький городок с одним магазином и горсткой старых оштукатуренных зданий в колоритном мексиканском стиле.

– Дома здесь классные, – говорю я ему.

– Ага. – Матео указывает на пару стариков, сидящих на стульях у своих домиков. Матео машет, когда мы проезжаем, и они сразу же узнают его и машут в ответ. – Ребята, живущие здесь, или работают в полях, или уходят на пенсию, потому что делать больше нечего. Севилья вроде как оазис посреди гор. Над ней нет контроля... пока.

– Откуда ты знаешь?

– Мой *abuelo*, дедушка, в молодости жил здесь. Видишь вон то здание? – спрашивает он, указывая на склад, возле которого стоят несколько машин. – Это и есть спортзал.

Припарковавшись, я забираю спортивную сумку из багажника, готовый начать жизнь здесь. Я останусь и буду тренироваться, пока не смогу подняться и заработать деньги на боях, прежде чем вернуться в Техас. Чем больше я научусь, тем больше шансов получить бой.

Мне нужно сосредоточиться, потому что я не вернусь в Техас таким же, каким приехал сюда. Лузером.

Боксерский клуб темный и пахнет застаревшим потом. Знакомый шум ударов кулаками по грушам и ворчание парней, доводящих себя до изнеможения, наполняют воздух. Я осматриваюсь, пытаюсь оценить удары и стойку каждого бойца. Все пялятся на белого парня, который снова оказывается в меньшинстве. Это ничем не отличается от границы Техаса, где живет большая испаноязычная диаспора.

Посреди спортзала один ринг, на котором высокий парень тренирует какого-то коротышку с худощавыми ногами.

– Бей в грудь, – говорит он. – Изо всех сил.

Я подавляю смех, потому что этот парень вообще не понимает, как нужно тренировать. Бей в грудь изо всех сил? Он что, шутит? В то время как на коротышке есть защита, на высоком парне нет ни тренировочных, ни боксерских перчаток, и сам он выглядит любителем.

– Чувак, серьезно? – говорю я Матео. Другие парни в зале похожи на закаленных бойцов. Двое на ринге – чертова шутка.

Матео качает головой и наклоняется ближе.

– Не спрашивай, – говорит он так, чтобы нас никто не слышал. Ему не стоит переживать, акустика в зале отвратная. – Подожди здесь. Я найду Очо, менеджера.

Когда он исчезает в боковой двери, я остаюсь смотреть, как коротышка на ринге пытается наносить удары. В какой-то момент он падает на землю, и я не могу не рассмеяться.

Парень сердито смотрит на меня.

– В чем твоя проблема, гринго? – рычит он в досаде и хватается за канаты, чтобы подняться.

– Проблема в том, что ты бьешь как девчонка, – говорю я ему.

– *Eso es porque soy una idiota*⁴⁸.

Он стаскивает свой шлем и смотрит на меня.

Черт.

Это и есть девчонка. И не просто какая-то девчонка. Это Далила.

Ее темные глаза пронзают меня, и она несколько раз удивленно моргает. Я не сомневаюсь, что она помнит меня с концерта. Я пытаюсь не думать о капельках пота, покрывающих ее безупречную, идеально загорелую кожу.

Ее волосы в беспорядке. Думаю, когда-то они были в аккуратном хвостике, но теперь они падают ей на лицо, хотя резинка все еще удерживает небольшую часть, которая никак не освободится.

– Кто ты, черт возьми, такой? – спрашивает псевдотренер.

Все, что я знаю о разборках с бойцами, особенно с таким раздутым эго, так это то, что не стоит раскрывать все карты. Будь загадкой, чтобы они никогда не знали, что за козыри у тебя в рукаве. Это дает небольшое преимущество как на ринге, так и вне его.

– Я никто, чувак, – говорю я ему.

– Я так и понял. – Он говорит что-то на испанском, какое-то оскорбление, но мне плевать. Он может оскорблять меня сколько хочет. Может, этот парень и есть тот самый Лукас, по которому она скучала в день нашей встречи?

Моя кожа твердая, как стекло. Как пуленепробиваемое стекло.

Далила убирает непослушные пряди с лица и отворачивается. Она хорошо притворяется, что не знает меня.

Ожидая возвращения Матео, я подхожу ближе к рингу, чтобы понаблюдать, как этот позер ее «тренирует». Она выглядит решительно, словно пытается что-то доказать.

– Нужно опустить локти, – бросаю я ей.

Они останавливаются и смотрят на меня.

– У тебя других дел нет? – спрашивает ее псевдотренер и псевдобойфренд. – Типа строительства стены или вроде того.

Я поднимаю руки.

– Просто подумал, что ей понадобится совет от того, кто понимает, о чем говорит.

– Что ты сказал? – Он становится рядом с Далилой, словно та ему принадлежит. Я не говорю ему, что у меня нет времени, особенно на властную девушку, у которой проблемы с самоконтролем.

Я качаю головой.

– Ничего. Я ничего не сказал.

Парень показывает на меня.

– Так и продолжай.

Хотя я не против с кем-то поругаться, мне нужно сдерживаться. Я бы не прочь подраться с этим хвастуном, но не сейчас. Особенно когда замечаю девятимиллиметровый ствол, торчащий из открытой сумки на полу.

Я не хочу, чтобы меня застрелили, – по крайней мере, не в первый же вечер в Мексике.

Я отхожу от ринга и направляюсь к Матео, который только что вернулся с каким-то пожилым парнем.

– Это Очо, он управляет этим местом. Он говорит, что Камачо не появлялся уже несколько дней, но в итоге он объявится.

– И что мне, черт возьми, делать до этого?

---

⁴⁸ Потому что я идиотка.

– Слушай, я поговорил с Очо и объяснил твою ситуацию. Он согласился сдать тебе одну из задних комнат. Ты можешь жить здесь, мыться в раздевалке и тренироваться. Он хочет сто пятьдесят за месяц. Деньги вперед.

– Сто пятьдесят? – Тогда я останусь с десятью баксами. – Не знаю, старик.

– В это входит доступ в спортзал двадцать четыре часа в сутки. Что ты хочешь, чтобы я ему сказал? Он ни слова не говорит по-английски.

Вот черт.

За пару часов мои сотни в кармане превратились в несчастные десять баксов.

– У меня нет выбора. Я согласен. – Я даже не знаю, как смогу заполучить тренера за несчастных десять баксов. Что, если Камачо так и не объявится? Это отстойно.

– Эй, мистер Америка! – окликает меня Далила.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь: она облачивается о канаты и подзывает меня к рингу. Ее страстные губы растягиваются в дружелюбную улыбку, и я чувствую, как меня заманивают в ловушку.

– Думаешь, ты так хорошо дерешься? – спрашивает она. – Почему бы тебе не показать, на что ты способен?

Десятая глава

Далила

Не знаю, что такого было в Райане, что мне захотелось позвать его. Может, это просто шок от того, что мы снова увиделись. Возможно, дело в его уверенности и беспечности. Он никак не отреагировал, тогда как Рико явно начал сердиться. Словно ему все равно, что думают о нем люди.

Как он может быть таким отстраненным?

– Я не дерусь с девочками, – говорит Райан как бы между прочим.

Рико стоит теперь рядом со мной и сердито смотрит на него.

– Хочешь подраться со мной? – вырывается у него. – Я готов, если ты не против.

Мистер Америка качает головой.

– Не дерусь с любителями.

– Кого ты называешь любителем? – Рико уже готов прыгнуть с ринга, но я хватаю его за руку и удерживаю на месте.

– Не надо, – говорю я ему. – Он просто пытается тебя задеть.

Я не могу не заметить, что Райан прячет улыбку. Все это скорее забавляет его, чем пугает, и это не укладывается в моей голове. Кто не побоится Рико Круза?

Райан что-то говорит парню рядом с ним, который, кажется, был телохранителем на одной из вечеринок Деми. Его зовут Матео Родригез. По серьезному выражению лица Райана понятно: они обсуждают нечто важное.

– Послушай меня, гринго, – говорит Рико. – Я не знаю, кто ты или что, черт возьми, ты здесь делаешь, но это мексиканский спортивный зал. Возвращайся в свою страну и поищи себе зал там.

– Все нормально, Рико, – говорит Матео. – Он со мной.

– Мне все равно, кто привел его. Уведи его отсюда.

Райан поднимает спортивную сумку и перекидывает ее через плечо.

– Я никуда не уйду, так что можешь привыкать ко мне. – Он подходит к рингу и храбро протягивает ладонь. – Меня зовут Райан Хесс.

Рико отталкивает его руку.

– Это дерьмо.

Взгляд Райана перемещается на меня, и все мое тело начинает покалывать.

– Хочешь увидеть, как я дерусь, Далила? Подожди немного, и я покажу, что умею.

Когда он произносит мое имя, глаза Рико расширяются.

– Ты знаешь его?

Хм-м.

– Не совсем. Я встретила с ним лишь раз, когда была в Техасе на прошлой неделе. – Если Рико проболтается моим родителям, я окажусь под домашним арестом на всю жизнь. Я кидаю на Райана взгляд, чтобы он не выдал меня.

– Не ври, Далила. Мы хорошо знаем друг друга. Очень хорошо. – Глаза Райана пронзают мои, и я чувствую покалывание до самых пальцев ног. – Правда?

Я не поддаюсь на его провокации.

– Я едва помню нашу встречу.

– Угу. – Он идет прочь от ринга. – А я, кажется, помню, как ты меня поцеловала. Возможно, у меня даже есть селфи этого волшебного момента.

Неужели он это сделал! Ноздри Рико раздуваются. Я стискиваю руками канат, жалея, что это не большая шея Райана.

– Я поцеловала тебя, потому что у меня не было выбора! – ору я ему вслед. – И никакого селфи нет.

– Не было выбора? Он заставил тебя? Возвращайся, и я тебя отделаю, Райан Хесс! – вопит Рико.

Райан спокойно выходит через боковую дверь, словно его совершенно не трогают угрозы. Внезапно Рико выпрыгивает из ринга, и я паникую.

– Куда ты?

– *Ahorita regreso*⁴⁹.

Он исчезает за дверью, через которую только что вышел Райан.

– Рико, не иди за ним! – кричу я, но это бесполезно. – Он не заставлял меня целовать его. Я хотела. То есть...

Я ввязываюсь в еще бо́льшие неприятности. Рико собирается бросить вызов Райану в ошибочной попытке защитить мою честь. Это так глупо и неправильно. Мне нужно его остановить!

Рико очень самонадеян, потому что сразу родился в богатой семье. Уверенность Райана явно другая... словно ему приходилось драться и доказывать свою силу. Или же его уверенность – просто маскировка, чтобы люди не копались в боли, которую он чувствует.

Я качаю головой и тихо ругаю себя. Может, я путаю уверенность с тупостью.

Я бросаю взгляд на других боксеров в спортзале. Никто на меня и не смотрит, потому что все слишком сосредоточены.

Раздраженная тем, что мой друг не прислушивается к моим мольбам, я иду на улицу и вижу Рико лицом к лицу с Райаном. Он говорит тому возвращаться в США, где ему и место, и больше никогда не смотреть на меня.

Стиснув зубы и сжав кулаки, Райан как будто просто ждет подходящего момента, чтобы ударить. Это плохо.

По пути к ним я случайно пинаю банку с содовой и спотыкаюсь. Банка дребезжит, катясь по земле. Я ощущаю взгляд Райана на себе, когда поднимаю глаза...

– Дерись со мной, – приказывает Рико.

Внимание Райана снова возвращается к Рико, и он качает головой.

– Парень, я не собираюсь с тобой драться.

– Испугался?

Райан разворачивается и уходит.

– Конечно, именно так. Я испугался. А теперь возвращайся к своей девушке, пока кто-то другой не подошел и не одарил ее своим вниманием.

– Не отворачивайся от меня, гринго, – кричит Рико. – Или пожалеешь об этом.

– Рико, перестань затевать драку! – ору я.

Когда друг смотрит на меня так, словно я предала его, я быстро поворачиваюсь и иду к машине. Я не собираюсь ждать здесь, пока он угрожает Райану.

Через пять минут объявляется Рико. Когда он садится на переднее сиденье, я не могу даже смотреть на него.

– Не нужно было тебе бросать ему вызов, – вырывается у меня.

Он хватается за руль так сильно, что его пальцы становятся почти белыми.

---

⁴⁹ Сейчас вернусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.